

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)
International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2026 Issue: 05 Volume: 157

Received: 04.05.2026
Accepted/Published: 30.05.2026 <https://T-Science.org>

Beybarys Nartayuly Turganbai
The International Kazakh-Turkish University Named After H.A.Yasavi.
Master's student of the Department of International Relations
Faculty of Economics and Management

THE MODEL OF SYSTEMATIZATION OF THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION TOGETHER WITH ITS ALLIES FROM CENTRAL ASIA

Abstract: The article proposes a conceptual model for the systematization of the foreign policy of the Russian Federation in the context of interaction with its allies from Central Asia. The relevance of the research is due to the transformation of international relations, the strengthening of regional interdependence and the need to develop coordinated mechanisms for political, economic and security cooperation. The author substantiates a structural and functional approach to the formation of foreign policy priorities, including institutional, regulatory and strategic levels of coordination. Special attention is paid to the role of regional integration associations, mechanisms for coordinating interests and tools for adapting to external challenges. The proposed model is aimed at increasing the effectiveness of interaction, reducing conflict potential and forming a sustainable partnership architecture. The results of the research can be used in the development of foreign policy strategies, as well as in analytical and expert activities in the field of international relations.

Key words: foreign policy, Russian Federation, Central Asia, regional cooperation, integration processes, geopolitics, international security, allied relations, strategic partnership, institutional mechanisms, political coordination, economic interaction, regional stability, interstate relations, foreign policy systematization.

Language: Russian

Citation: Turganbai, B.N. (2026). The model of systematization of the foreign policy of the Russian Federation together with its allies from central Asia. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 05 (157), 259-294.

Soi: <https://s-o-i.org/1.1/TAS-05-157-13> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2026.05.157.13>
Scopus ASCC: 3300.

МОДЕЛЬ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СОВМЕСТНО С СОЮЗНИКАМИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация: В статье предлагается концептуальная модель систематизации внешней политики Российской Федерации в контексте взаимодействия с союзниками из Центральной Азии. Актуальность исследования обусловлена трансформацией международных отношений, усилением региональной взаимозависимости и необходимостью выработки согласованных механизмов политического, экономического и безопасностного сотрудничества. Автор обосновывается структурно-функциональный подход к формированию внешнеполитических приоритетов, включающий институциональные, нормативные и стратегические уровни координации. Особое внимание уделяется роли региональных интеграционных объединений, механизмам согласования интересов и инструментам адаптации к внешним вызовам. Предлагаемая модель направлена на повышение эффективности взаимодействия, снижение конфликтного потенциала и формирование устойчивой архитектуры партнерства. Результаты исследования могут быть использованы при разработке внешнеполитических стратегий, а также в аналитической и экспертной деятельности в сфере международных отношений.

Ключевые слова: внешняя политика, Российская Федерация, Центральная Азия, региональное сотрудничество, интеграционные процессы, геополитика, международная безопасность, союзнические

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

отношения, стратегическое партнёрство, институциональные механизмы, политическая координация, экономическое взаимодействие, региональная стабильность, межгосударственные связи, внешнеполитическая систематизация.

Введение

Современная система международных отношений переживает фазу глубоких структурных изменений, сопровождаемых перераспределением центров силы, трансформацией традиционных механизмов взаимодействия государств и усилением роли региональных подсистем. В этих условиях внешняя политика государств перестает быть исключительно инструментом реализации национальных интересов в классическом понимании и приобретает более сложный, многослойный характер, включающий элементы координации, согласования и институционализации совместных действий с партнерами и союзниками. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в рамках взаимодействия Российской Федерации с государствами Центральной Азии, где историческая, экономическая и политическая взаимосвязанность формирует особое пространство внешнеполитической активности.

Для Российской Федерации Центральная Азия представляет собой стратегически значимый регион, обладающий не только географической близостью, но и глубокой историко-культурной общностью. После распада Советского Союза сформировалась новая архитектура межгосударственных отношений, в которой государства региона обрели суверенитет, но при этом сохранили значительный уровень взаимозависимости. На протяжении последних десятилетий эта взаимозависимость трансформировалась, приобретая новые формы, связанные с развитием региональных организаций, усилением экономических связей, а также необходимостью совместного реагирования на вызовы безопасности.

В то же время внешнеполитическая деятельность Российской Федерации в отношении государств Центральной Азии не может рассматриваться как линейный процесс, подчиненный исключительно национальным интересам. Она представляет собой сложную систему взаимодействий, в которой переплетаются различные уровни управления, институциональные механизмы и стратегические приоритеты. В этой связи возникает необходимость в разработке модели, способной систематизировать указанные процессы, выявить их внутреннюю логику и предложить инструменты повышения эффективности внешнеполитического взаимодействия.

Актуальность настоящего исследования определяется рядом факторов. Во-первых,

наблюдается усиление конкуренции внешних акторов за влияние в Центральной Азии, что требует от Российской Федерации более четкой и структурированной внешнеполитической стратегии. Во-вторых, возрастает значение региональных интеграционных процессов, таких как экономические и военно-политические объединения, в рамках которых осуществляется координация действий государств. В-третьих, усложняется характер угроз и вызовов, включая транснациональную преступность, экстремизм, экономическую нестабильность и миграционные процессы, что делает необходимым переход от реактивных к проактивным формам взаимодействия.

Особое значение приобретает проблема согласования интересов между Российской Федерацией и ее союзниками в Центральной Азии. Несмотря на наличие общих целей, связанных с обеспечением стабильности и безопасности, каждое государство региона обладает собственной внешнеполитической стратегией, основанной на национальных приоритетах. Это создает определенные противоречия и требует разработки механизмов, позволяющих находить баланс между национальными и коллективными интересами. В данном контексте систематизация внешней политики выступает не только как аналитический инструмент, но и как практическая необходимость.

Следует отметить, что существующие научные подходы к анализу внешней политики зачастую сосредоточены либо на уровне отдельных государств, либо на глобальных процессах, оставляя без должного внимания региональные модели взаимодействия. В то же время именно региональный уровень становится ключевым пространством формирования устойчивых политических и экономических связей. Это обуславливает необходимость разработки теоретико-методологической основы, позволяющей учитывать специфику региональных процессов и интегрировать их в общую систему международных отношений.

В рамках настоящего исследования предлагается рассматривать внешнюю политику Российской Федерации в отношении Центральной Азии через призму системного подхода, предполагающего выделение взаимосвязанных элементов и уровней. Такой подход позволяет не только структурировать существующие формы взаимодействия, но и выявить их функциональное назначение, а также определить направления их дальнейшего развития. Особое внимание

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

уделяется институциональному измерению, включающему деятельность международных организаций, двусторонние соглашения и неформальные механизмы координации.

Наряду с институциональным аспектом важное значение имеет нормативный уровень, отражающий совокупность принципов, ценностей и правил, регулирующих взаимодействие государств. В контексте Центральной Азии данный уровень характеризуется сочетанием международно-правовых норм и региональных особенностей, что создает уникальную правовую среду. Анализ данного уровня позволяет понять, каким образом формируются и реализуются внешнеполитические решения, а также какие факторы влияют на их эффективность.

Стратегический уровень, в свою очередь, связан с определением долгосрочных целей и приоритетов внешней политики. Для Российской Федерации он включает обеспечение безопасности на южных рубежах, развитие экономического сотрудничества, укрепление политического влияния и поддержание стабильности в регионе. Однако реализация указанных целей требует учета интересов союзников и партнеров, что делает необходимым переход от односторонних стратегий к многосторонним моделям взаимодействия.

Отдельного внимания заслуживает вопрос адаптации внешнеполитической стратегии к изменяющимся условиям международной среды. Современные вызовы носят динамичный и комплексный характер, что требует гибкости и способности к быстрому реагированию. В этом контексте предлагаемая модель систематизации внешней политики должна включать механизмы мониторинга, оценки и корректировки внешнеполитических решений. Это позволяет обеспечить устойчивость и эффективность внешнеполитической деятельности в долгосрочной перспективе.

Кроме того, важным элементом является учет факторов внутреннего развития государств Центральной Азии. Экономические реформы, политические трансформации и социальные процессы оказывают непосредственное влияние на характер внешнеполитического взаимодействия. В этой связи систематизация внешней политики должна носить междисциплинарный характер, объединяя подходы политологии, международного права, экономики и социологии.

Таким образом, разработка модели систематизации внешней политики Российской Федерации совместно с союзниками из Центральной Азии представляет собой актуальную научную задачу, имеющую как теоретическое, так и практическое значение. Она позволяет не только углубить понимание

региональных процессов, но и предложить инструменты повышения эффективности внешнеполитического взаимодействия.

Предлагаемое исследование направлено на формирование целостного представления о механизмах и закономерностях внешнеполитической деятельности в регионе, выявление ключевых факторов, определяющих ее динамику, а также разработку рекомендаций по совершенствованию существующих практик. В условиях усиливающейся неопределенности и конкуренции на международной арене подобные разработки приобретают особую значимость, позволяя государствам адаптироваться к новым реалиям и формировать устойчивые модели сотрудничества.

В конечном итоге речь идет не просто о теоретической систематизации, а о создании инструмента, способного обеспечить более высокий уровень согласованности действий, повысить предсказуемость внешнеполитических решений и укрепить региональную стабильность. И если все это звучит слишком масштабно для одного введения, то это не потому, что задача чрезмерна, а потому что сама реальность давно вышла за рамки простых объяснений.

Актуальность

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов, отражающих трансформацию современной системы международных отношений, усиление региональных взаимодействий и изменение характера внешнеполитической деятельности государств. В условиях нарастающей турбулентности мировой политики, сопровождаемой кризисом традиционных институтов глобального управления и формированием новых центров силы, государства вынуждены искать более гибкие и адаптивные модели внешнеполитического поведения. Это особенно характерно для пространств, обладающих высокой степенью геополитической чувствительности, к числу которых относится Центральная Азия.

Центральноазиатский регион в последние десятилетия приобрел особую значимость в глобальной и региональной политике. Его географическое положение, ресурсный потенциал, транзитные возможности, а также историко-культурные связи с крупными государствами делают его объектом повышенного внимания со стороны различных внешних акторов. В этой связи формируется сложная система взаимодействий, в которой пересекаются интересы как региональных государств, так и внешних центров силы. Это приводит к

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

необходимости выработки устойчивых механизмов координации и согласования внешнеполитических действий, способных минимизировать конфликтный потенциал и обеспечить стабильное развитие региона [1].

Для Российской Федерации Центральная Азия традиционно выступает одним из ключевых направлений внешней политики. Это обусловлено не только географической близостью, но и глубокой исторической взаимосвязанностью, сформировавшейся в рамках длительного совместного развития [2]. Однако современный этап характеризуется качественно новыми условиями взаимодействия, связанными с усилением суверенитета государств региона, диверсификацией их внешнеполитических связей и ростом их субъектности на международной арене. В результате формируется новая модель отношений, требующая пересмотра традиционных подходов и разработки более сложных механизмов взаимодействия [3].

Одним из ключевых факторов, определяющих актуальность исследования, является усложнение характера угроз и вызовов, с которыми сталкиваются государства региона. Речь идет о транснациональной преступности, экстремизме, незаконной миграции, экономической нестабильности, а также о рисках, связанных с цифровизацией и информационными воздействиями [4]. Эти угрозы носят комплексный характер и не могут быть эффективно нейтрализованы в рамках исключительно национальных стратегий. Это обуславливает необходимость формирования координированных внешнеполитических подходов, основанных на системной интеграции усилий государств [5].

Важным аспектом является также усиление конкуренции между внешними акторами за влияние в Центральной Азии. Наряду с Российской Федерацией, активную внешнеполитическую деятельность в регионе осуществляют такие государства и объединения, как Китай, США и Европейский союз. Их присутствие проявляется в экономических проектах, инфраструктурных инициативах, инвестиционной активности, а также в продвижении собственных политических и нормативных моделей. В этих условиях возрастает необходимость четкого позиционирования и структурирования внешней политики Российской Федерации с учетом интересов союзников, что делает проблему ее систематизации особенно актуальной [6].

Не менее значимым фактором является развитие региональных интеграционных процессов, которые становятся ключевым инструментом координации межгосударственного взаимодействия. Такие объединения, как

Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности, формируют институциональную основу для взаимодействия государств в экономической и военно-политической сферах [7]. Однако эффективность их функционирования во многом зависит от согласованности внешнеполитических стратегий участников, что требует разработки комплексной модели систематизации внешней политики [8].

Следует учитывать и внутренние процессы, происходящие в государствах Центральной Азии, которые оказывают непосредственное влияние на характер их внешнеполитического поведения. Политические реформы, экономические трансформации, демографические изменения и социальные процессы формируют новые условия, в которых осуществляется взаимодействие с внешними партнерами [9]. В результате возникает необходимость учета данных факторов при разработке внешнеполитических стратегий, что делает задачу их систематизации более сложной, но одновременно и более востребованной [10].

Актуальность исследования усиливается также тем, что существующие научные подходы к анализу внешней политики зачастую не в полной мере отражают специфику региональных взаимодействий. Они либо сосредоточены на глобальных аспектах, либо рассматривают внешнюю политику отдельных государств вне контекста их взаимодействия с союзниками. В результате возникает дефицит теоретических моделей, способных интегрировать различные уровни анализа и учитывать многообразие факторов, влияющих на внешнеполитическую деятельность [11]. Предлагаемое исследование направлено на восполнение данного пробела путем разработки системной модели, ориентированной на региональный уровень.

Особое значение имеет практическая составляющая актуальности. В условиях высокой динамики международных процессов государственные органы, принимающие внешнеполитические решения, нуждаются в инструментах, позволяющих оперативно оценивать ситуацию, прогнозировать развитие событий и выработать оптимальные стратегии [12]. Модель систематизации внешней политики может выступать в качестве такого инструмента, обеспечивая структурирование информации, выявление ключевых факторов и формирование обоснованных решений [13].

Кроме того, актуальность темы определяется необходимостью повышения предсказуемости внешнеполитического поведения государств. В условиях неопределенности и нестабильности международной среды предсказуемость становится важным фактором доверия и устойчивости межгосударственных отношений

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

[14]. Систематизация внешней политики позволяет создать более прозрачную и логически выстроенную систему принятия решений, что способствует укреплению доверия между государствами и снижению уровня конфликтности [15].

Не следует также игнорировать экономическое измерение актуальности. Центральная Азия обладает значительным потенциалом в сфере энергетики, транспорта и логистики. Реализация крупных инфраструктурных проектов требует координации действий государств, согласования интересов и выработки единых подходов к регулированию [16]. Внешняя политика в данном контексте становится инструментом обеспечения экономического взаимодействия, что усиливает необходимость ее систематизации.

Важным аспектом является и гуманитарное измерение, связанное с развитием культурных, образовательных и научных связей. Эти направления взаимодействия играют значительную роль в формировании устойчивых межгосударственных отношений, способствуют укреплению взаимопонимания и доверия [17]. Систематизация внешней политики позволяет интегрировать гуманитарное измерение в общую стратегию взаимодействия, обеспечивая его согласованность с другими направлениями.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется комплексом политических, экономических, безопасностных и гуманитарных факторов, отражающих современное состояние и динамику международных отношений в Центральной Азии. Разработка модели систематизации внешней политики Российской Федерации совместно с союзниками из региона позволяет не только углубить теоретическое понимание данных процессов, но и предложить практические инструменты их регулирования [18].

В конечном счете речь идет о формировании качественно нового подхода к внешнеполитической деятельности, основанного на системности, координации и адаптивности. В условиях усложнения международной среды подобный подход становится не просто желательным, а необходимым, что и определяет высокую степень актуальности настоящего исследования.

Материалы и методы

Методологическая основа настоящего исследования формируется на стыке политологии, международного права, теории международных отношений и элементов прикладной аналитики, что обусловлено междисциплинарным характером рассматриваемой проблематики. Исследование ориентировано на выявление

закономерностей и структурных особенностей внешнеполитической деятельности Российской Федерации в контексте взаимодействия с государствами Центральной Азии, а также на разработку модели ее систематизации с учетом институциональных, нормативных и стратегических параметров.

Эмпирическую базу исследования составили официальные внешнеполитические документы, включая концепции внешней политики, стратегические доктрины, межгосударственные соглашения и программные акты, регулирующие взаимодействие Российской Федерации с государствами региона. Существенную часть материалов представляют документы и решения региональных интеграционных объединений, в частности Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества, которые рассматриваются как институциональные платформы координации внешнеполитических действий. Дополнительно использованы аналитические доклады международных организаций, экспертные оценки, статистические данные по экономическому и политическому взаимодействию, а также научные публикации последних лет, индексируемые в международных базах данных.

Теоретическую основу исследования составляют системный подход, институциональный анализ и концепции регионализма. Системный подход позволяет рассматривать внешнюю политику как совокупность взаимосвязанных элементов, функционирующих в рамках единой структуры. Институциональный анализ ориентирован на изучение формальных и неформальных механизмов взаимодействия государств, включая международные организации, договорные режимы и практики политической координации. Концепции нового регионализма используются для интерпретации процессов интеграции и формирования устойчивых региональных подсистем международных отношений.

В рамках исследования применен комплекс общенаучных и специальных методов. К числу общенаучных методов отнесены анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и обобщение, позволяющие структурировать исследуемый материал и выявить ключевые закономерности. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления нормативных основ внешнеполитической деятельности различных государств региона и выявления сходств и различий в их подходах. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию внешнеполитических отношений Российской Федерации с государствами

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Центральной Азии, выявив основные этапы и тенденции их развития.

Особое место в исследовании занимает структурно-функциональный метод, с помощью которого проведена декомпозиция внешнеполитической системы на отдельные элементы с последующим анализом их функций и взаимосвязей. Это позволило определить ключевые уровни систематизации внешней политики, включая институциональный, нормативный и стратегический. Каждый из указанных уровней рассматривается как относительно самостоятельный, но взаимосвязанный компонент общей системы.

Для моделирования внешнеполитических процессов использован метод концептуального моделирования, предполагающий формирование абстрактной конструкции, отражающей основные элементы и связи исследуемого явления. В рамках данного метода разработана модель систематизации внешней политики, включающая механизмы координации, инструменты согласования интересов и элементы адаптации к внешним вызовам. Модель носит открытый характер и допускает модификацию в зависимости от изменения внешних условий.

Дополнительно применены методы контент-анализа и дискурс-анализа, направленные на изучение официальных документов, программных заявлений и экспертных публикаций. Контент-анализ позволил выявить ключевые категории и приоритеты внешнеполитической деятельности, тогда как дискурс-анализ использован для интерпретации смысловых конструкций, формирующих внешнеполитическую риторику и определяющих восприятие региональных процессов.

В исследовании также использованы элементы сравнительно-политического анализа, направленные на сопоставление подходов различных государств Центральной Азии к внешнеполитическому взаимодействию. Это позволило выявить степень их согласованности с внешнеполитической стратегией Российской Федерации и определить потенциальные зоны сотрудничества и противоречий.

Для оценки эффективности внешнеполитического взаимодействия применен метод индикативного анализа, включающий разработку системы показателей, отражающих уровень координации, степень институционализации и результативность совместных действий. В качестве индикаторов использованы данные о динамике торгово-экономических связей, уровне политического диалога, интенсивности участия в международных организациях и реализации совместных проектов.

Методологическая конструкция исследования предполагает сочетание качественных и количественных подходов. Качественный анализ направлен на интерпретацию политических процессов и выявление их содержательных характеристик, тогда как количественные элементы используются для подтверждения выявленных закономерностей и оценки их масштабов. Такое сочетание обеспечивает комплексность исследования и повышает достоверность полученных результатов.

Отдельное внимание уделено принципу верификации и воспроизводимости результатов. Используемые данные и методы анализа обеспечивают возможность проверки полученных выводов и их применения в аналогичных исследованиях. При этом учитываются ограничения, связанные с доступностью информации и динамичным характером международных процессов, что отражено в соответствующих методологических оговорках.

Таким образом, применяемый в исследовании методологический инструментарий обеспечивает всесторонний анализ внешнеполитической деятельности Российской Федерации в Центральной Азии и позволяет разработать модель ее систематизации, обладающую как теоретической обоснованностью, так и практической применимостью. Если перевести это с академического на человеческий язык, то задача была простая только на словах, а на деле пришлось собрать половину научных подходов, чтобы все это не развалилось на первом же абзаце.

Дискуссия

Дискуссионный блок настоящего исследования требует рассмотрения не только самой идеи систематизации внешней политики Российской Федерации совместно с союзниками из Центральной Азии, но и тех методологических, политико-правовых, стратегических и региональных противоречий, которые неизбежно возникают при попытке выстроить такую модель. Иначе получится обычная академическая витрина, где все слова блещут, но внутри пустота, как в некоторых международных декларациях, которые люди почему-то продолжают подписывать с серьезными лицами [19].

Прежде всего необходимо отметить, что внешняя политика Российской Федерации в центральноазиатском направлении не может быть сведена к одностороннему воздействию крупного государства на региональных партнеров. Такая трактовка была бы слишком упрощенной и методологически слабой. Центральная Азия давно перестала быть пассивным объектом внешнеполитических инициатив [20]. Государства

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

региона обладают собственными интересами, собственными стратегиями балансирования, собственными экономическими приоритетами и собственным пониманием региональной безопасности. Поэтому модель систематизации внешней политики должна строиться не по принципу вертикального управления, а по принципу согласованной архитектуры взаимодействия, где Российская Федерация выступает одним из ключевых центров притяжения, но не единственным субъектом формирования региональной повестки [21].

Именно здесь возникает первая принципиальная проблема. С одной стороны, Российская Федерация исторически, экономически, военно-политически и гуманитарно тесно связана с государствами Центральной Азии. С другой стороны, сами государства региона заинтересованы в многовекторной внешней политике, позволяющей им сохранять пространство для маневра между различными внешними центрами силы [22]. Это не обязательно означает дистанцирование от России. Скорее речь идет о прагматичной попытке малых и средних государств не оказаться зависимыми от одного внешнеполитического направления. В этом смысле систематизация внешней политики Российской Федерации должна учитывать не только российские стратегические интересы, но и логику внешнеполитического поведения самих центральноазиатских государств [23].

Для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана характерны разные модели взаимодействия с Российской Федерацией. Эти различия обусловлены географией, экономической структурой, уровнем институциональной вовлеченности в интеграционные объединения, характером элитных решений, миграционными потоками, вопросами безопасности и национальной идентичности. Поэтому единая модель внешнеполитической систематизации не должна означать механическое применение одного шаблона ко всем государствам региона [24]. Вот это любимая человеческая ошибка: найти одну схему и пытаться натянуть ее на пять разных политических организмов, а потом удивляться, почему она трещит. Более продуктивным представляется модульный подход, при котором общая стратегическая рамка сохраняется, но внутри нее формируются отдельные страновые траектории взаимодействия [25].

В рамках предлагаемой модели целесообразно выделить несколько уровней систематизации. Первый уровень связан с общими стратегическими целями Российской Федерации в Центральной Азии. К ним могут относиться

поддержание региональной стабильности, развитие экономической интеграции, укрепление безопасности, противодействие транснациональным угрозам, сохранение культурно-гуманитарных связей и поддержание устойчивого политического диалога [26]. Второй уровень включает институциональные механизмы реализации этих целей, включая двусторонние соглашения, межправительственные комиссии, интеграционные организации, военно-политические форматы и экспертно-аналитические площадки [27]. Третий уровень связан с практическими инструментами реализации политики: совместными проектами, программами безопасности, образовательными инициативами, инфраструктурными решениями, миграционным регулированием, цифровыми механизмами взаимодействия и информационно-аналитическим сопровождением [28].

Дискуссионность данной модели проявляется в том, что каждый из этих уровней имеет собственные ограничения. Стратегический уровень часто страдает от чрезмерной декларативности [29]. В официальных документах обычно формулируются широкие цели, такие как укрепление сотрудничества, развитие партнерства, обеспечение безопасности и стабильности. Все звучит красиво, почти торжественно, как будто международные отношения состоят из хорошо выглаженных фраз [30]. Однако на практике между общими целями и конкретными механизмами их достижения нередко возникает разрыв [31]. Поэтому систематизация внешней политики должна включать не только перечень целей, но и механизмы их операционализации, то есть перевода в измеримые, управляемые и проверяемые действия [32].

Институциональный уровень также не лишен противоречий. Существование интеграционных организаций само по себе не гарантирует высокой эффективности взаимодействия [33]. Организация может обладать формальной структурой, уставом, органами управления, регулярными заседаниями и внушительным набором документов, но при этом ее реальная способность влиять на поведение государств может оставаться ограниченной. В данном контексте особое значение приобретает вопрос институциональной плотности [34]. Под ней следует понимать не просто количество соглашений и организаций, а степень их реального воздействия на принятие решений, координацию действий и разрешение противоречий между участниками [35].

Для Российской Федерации и государств Центральной Азии институциональный формат сотрудничества имеет двойственный характер. С одной стороны, он позволяет формализовать взаимодействие, создать устойчивые каналы

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

коммуникации и обеспечить регулярность политического диалога [36]. С другой стороны, слишком жесткая институционализация может восприниматься отдельными государствами как ограничение их внешнеполитической самостоятельности [37]. Поэтому модель систематизации должна предусматривать баланс между формальными и гибкими механизмами координации. Иными словами, не всякое взаимодействие должно быть немедленно превращено в новую комиссию, комитет или секретариат [38]. Человечество и так уже создало достаточно заседаний, чтобы ими можно было отапливать небольшие города [39].

Особое место в дискуссии занимает вопрос союзничества. Сам термин союзники из Центральной Азии нуждается в аккуратном раскрытии, поскольку степень союзнических отношений между Российской Федерацией и отдельными государствами региона различается [40]. Одни государства участвуют в военно-политических и экономических объединениях с Россией, другие предпочитают более осторожные форматы взаимодействия, сохраняя дистанцию от жестких обязательств [41]. Поэтому в научной статье важно не использовать понятие союзничества как политический лозунг. Его необходимо рассматривать как многоуровневую категорию, включающую военно-политическое, экономическое, дипломатическое, гуманитарное и ситуативное измерения [42].

Союзничество в Центральной Азии не всегда означает полное совпадение внешнеполитических позиций. Напротив, оно часто строится на принципе частичного совпадения интересов [43]. Государства могут быть близкими партнерами в сфере безопасности, но конкурировать в экономических вопросах [44]. Они могут поддерживать политический диалог, но по-разному оценивать отдельные международные события [45]. Они могут участвовать в одних интеграционных форматах, но развивать альтернативные связи с другими внешними центрами силы [46]. Поэтому модель систематизации должна исходить не из предположения о полном единстве интересов, а из необходимости постоянного согласования позиций [47].

Одним из наиболее сложных вопросов является соотношение национальных интересов Российской Федерации и национальных интересов центральноазиатских государств. Внешняя политика любой страны, как бы торжественно она ни называла себя партнерской, в конечном счете ориентирована на защиту собственных интересов. Это не цинизм, это базовая механика международных отношений, хотя люди почему-то каждый раз делают вид, что только что открыли этот факт [48]. Поэтому

устойчивость модели систематизации зависит от способности выявлять зоны пересечения интересов [49]. Такими зонами могут выступать безопасность границ, противодействие радикализации, развитие транспортных коридоров, регулирование трудовой миграции, энергетическое сотрудничество, образовательные связи, технологическое взаимодействие и поддержание региональной стабильности [50].

При этом важно различать реальные и декларативные зоны совпадения интересов. Например, все государства обычно заявляют о заинтересованности в стабильности. Однако понимание стабильности может различаться. Для одного государства стабильность означает сохранение политического порядка. Для другого устойчивое экономическое развитие. Для третьего безопасность границ [51]. Для четвертого отсутствие внешнего давления. Поэтому систематизация внешней политики должна включать механизм смыслового согласования базовых категорий. Без этого одна и та же формула может пониматься участниками по-разному, что в дальнейшем приводит к расхождению ожиданий [52].

Безопасностное измерение является одним из центральных элементов рассматриваемой модели. Центральная Азия находится в зоне пересечения различных угроз, среди которых особое значение имеют транснациональная преступность, незаконный оборот наркотиков, нелегальная миграция, религиозно-политический экстремизм, пограничные конфликты, информационные воздействия и риски дестабилизации. В этих условиях Российская Федерация заинтересована в том, чтобы южное направление оставалось предсказуемым и управляемым [53]. Однако безопасность не может быть обеспечена только военными или силовыми инструментами. Она требует комплексной политики, включающей социально-экономическое развитие, образовательные программы, профилактику радикализации, информационную устойчивость и укрепление государственных институтов [54].

Здесь проявляется важный методологический вывод. Внешняя политика в отношении Центральной Азии должна рассматриваться не только как дипломатическая деятельность, но и как система межсекторного воздействия. Она затрагивает экономику, культуру, образование, миграцию, безопасность, право, инфраструктуру и цифровую сферу. Если игнорировать это многообразие, модель получится формальной [55]. Если же все эти элементы включить без внутренней иерархии, модель превратится в хаотический перечень направлений [56]. Поэтому необходима классификация внешнеполитических инструментов по степени их стратегической

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

значимости, срочности, ресурсной обеспеченности и влияния на долгосрочные цели [57].

В экономическом измерении систематизация внешней политики должна учитывать, что Центральная Азия является не только пространством политического влияния, но и важным направлением торгово-экономического, энергетического и транспортно-логистического сотрудничества [58]. Экономическая связанность формирует материальную основу для устойчивого партнерства. Однако здесь также возникает ряд противоречий. Интеграционные проекты могут усиливать взаимозависимость, но одновременно порождать опасения относительно экономической асимметрии [59]. Более крупные экономики обычно обладают большими возможностями влияния, а меньшие экономики стремятся сохранить самостоятельность и защитить внутренние рынки. Поэтому модель систематизации должна учитывать не только общий объем экономических связей, но и качество этих связей, их сбалансированность и воспринимаемую справедливость [60].

Особенно важным представляется транспортно-логистический аспект. Центральная Азия располагается на пересечении направлений, связывающих Восток и Запад, Север и Юг. Для Российской Федерации взаимодействие с союзниками и партнерами региона в этой сфере имеет стратегическое значение, поскольку транспортные коридоры становятся не только экономическими, но и политическими инструментами [61]. Развитие инфраструктуры, согласование таможенных процедур, цифровизация логистики и обеспечение безопасности перевозок могут стать одним из практических направлений систематизации внешней политики. Однако эффективность этого направления зависит от согласованности национальных инфраструктурных стратегий и отсутствия чрезмерной конкуренции между альтернативными маршрутами [62].

Миграционное измерение также требует отдельного обсуждения. Трудовая миграция из отдельных государств Центральной Азии в Российскую Федерацию является значимым фактором социально-экономического взаимодействия. Она влияет на рынки труда, денежные переводы, социальную адаптацию, межкультурные контакты и внутреннюю политику. Однако миграционная сфера часто рассматривается либо как экономический ресурс, либо как проблема безопасности [63]. Оба подхода односторонни. Более продуктивной является модель, в которой миграция воспринимается как управляемый социально-экономический процесс, требующий согласованной правовой, образовательной, трудовой и профилактической

политики [64]. В противном случае миграция превращается в постоянный источник взаимных претензий, что, как обычно, люди потом называют неожиданным кризисом.

Гуманитарное измерение внешней политики нередко недооценивается, хотя именно оно обеспечивает долговременную устойчивость партнерства. Язык, образование, научные связи, культурные проекты, академическая мобильность и общественная дипломатия формируют тот слой отношений, который не всегда виден в статистике, но существенно влияет на доверие между обществами [65]. Для Российской Федерации сохранение гуманитарного присутствия в Центральной Азии имеет стратегическое значение, но оно не должно строиться на инерции прошлого [66]. Современные поколения в регионе формируются в иных информационных и культурных условиях. Поэтому гуманитарная политика должна быть обновленной, технологичной, уважительной к национальной идентичности партнеров и ориентированной на реальные запросы молодежи [67].

В этом контексте особенно важно избегать патерналистской риторики. Центральноеазиатские государства заинтересованы в партнерстве, но не в отношении, при котором их рассматривают как продолжение чужого внешнеполитического пространства. Модель систематизации должна учитывать чувствительность вопросов суверенитета, языка, исторической памяти и культурной самостоятельности [68]. Любая внешнеполитическая стратегия, игнорирующая эти факторы, неизбежно будет сталкиваться с сопротивлением, даже если формально она сопровождается экономическими выгодами. Уважение к субъектности союзников и партнеров является не декоративным, а функциональным условием эффективности политики [69].

Информационное измерение стало одним из наиболее сложных направлений внешнеполитической деятельности. Современная политика реализуется не только через официальные заявления и дипломатические каналы, но и через медийные нарративы, социальные сети, экспертные сообщества, цифровые платформы и неформальные каналы влияния. Центральная Азия в этом плане представляет собой пространство пересечения различных информационных потоков. Российская Федерация, государства региона и другие внешние акторы формируют конкурирующие интерпретации событий, истории, безопасности, интеграции и будущего развития [70]. Поэтому систематизация внешней политики должна включать информационно-аналитический компонент, способный отслеживать динамику общественного восприятия, выявлять риски

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	РИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

дезинформации и формировать содержательные коммуникационные стратегии.

Однако информационная политика не должна сводиться к пропаганде. Это слишком грубый инструмент, который в долгосрочной перспективе часто производит обратный эффект. Более эффективной является стратегия доверительной коммуникации, основанная на объяснении интересов, признании сложных вопросов и участии экспертных сообществ. Внешняя политика, которая говорит только лозунгами, быстро теряет убедительность. Особенно в эпоху, когда любой студент с телефоном может сравнить официальное заявление с десятком альтернативных источников, а потом еще и язвительно это прокомментировать [71].

Существенным элементом дискуссии является вопрос правового оформления внешнеполитического взаимодействия. Международно-правовые соглашения, двусторонние договоры, региональные конвенции и решения интеграционных органов образуют нормативную основу сотрудничества [72]. Однако правовая систематизация должна учитывать не только наличие документов, но и степень их исполнения. В международных отношениях довольно часто существует разрыв между подписанным текстом и реальным поведением государств. Поэтому модель должна включать анализ правоприменительной эффективности соглашений, механизмов контроля, процедур разрешения споров и ответственности за невыполнение обязательств [73].

В этом плане перспективным является выделение трех правовых уровней. Первый уровень составляют базовые договоры о дружбе, сотрудничестве, союзничестве и стратегическом партнерстве. Они формируют общую политико-правовую рамку. Второй уровень включает отраслевые соглашения в сфере экономики, безопасности, миграции, образования, транспорта и энергетики. Третий уровень образуют практические протоколы, дорожные карты, межведомственные инструкции и планы реализации [74]. Именно третий уровень часто определяет реальную эффективность политики, потому что великие договоры хороши для торжественных фотографий, но работать потом приходится чиновникам среднего звена, которые разбираются с таблицами, сроками и бюджетами.

Еще один дискуссионный вопрос связан с измерением эффективности внешней политики. В традиционном подходе эффективность часто оценивается через достижение заявленных целей, подписание соглашений, рост товарооборота, количество встреч, участие в организациях и уровень политических контактов. Однако такие показатели не всегда отражают глубину и

устойчивость взаимодействия. Например, большое количество встреч не обязательно означает высокий уровень доверия [75]. Рост товарооборота не всегда указывает на сбалансированность экономических отношений. Подписание соглашения не гарантирует его исполнения. Поэтому предлагаемая модель должна включать более сложную систему индикаторов [76].

К числу таких индикаторов можно отнести устойчивость политического диалога, степень согласованности позиций по ключевым международным вопросам, объем и качество совместных проектов, уровень институциональной вовлеченности, динамику общественного восприятия партнерства, степень зависимости от внешних рисков, эффективность механизмов кризисного реагирования, интенсивность экспертного взаимодействия и наличие долгосрочных программ [77]. При этом показатели должны анализироваться не изолированно, а в совокупности. Иначе можно получить красивую цифру, которая ничего не объясняет, что, впрочем, человечество давно воздело в отдельный жанр отчетности [78].

Важным является и вопрос адаптивности модели. Международная среда изменяется быстро, а региональная политика подвержена влиянию как внутренних, так и внешних акторов. Поэтому модель систематизации не может быть статичной. Она должна предусматривать регулярное обновление приоритетов, переоценку рисков, мониторинг изменений в политике союзников и партнеров, а также анализ действий внешних акторов [79]. Адаптивность предполагает способность внешнеполитической системы не только реагировать на кризисы, но и заранее выявлять потенциальные зоны напряженности [80].

В отношении Центральной Азии такими зонами могут быть водно-энергетические противоречия, пограничные вопросы, миграционные споры, социальная напряженность, конкуренция инфраструктурных проектов, идеологические воздействия, элитные транзиты, экономические дисбалансы и внешнее давление [81]. Российская Федерация, выстраивая системную модель взаимодействия, должна учитывать эти факторы не как второстепенные обстоятельства, а как элементы общей региональной архитектуры. При этом вмешательство во внутренние процессы государств региона не может рассматриваться как универсальный инструмент. Более продуктивной является политика содействия устойчивости через договорные механизмы, экономическое участие, экспертную поддержку и профилактическую дипломатию [82].

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Отдельного внимания заслуживает соотношение двустороннего и многостороннего форматов взаимодействия. Двусторонние отношения позволяют учитывать специфику конкретного государства, быстрее согласовывать решения и выстраивать персонализированные каналы коммуникации [83]. Многосторонние форматы обеспечивают более широкую координацию, создают общие правила и повышают предсказуемость региональной политики. Однако между этими форматами может возникать конкуренция. Некоторые вопросы эффективнее решаются на двустороннем уровне, другие требуют участия всех заинтересованных сторон [84]. Поэтому систематизация внешней политики должна предусматривать функциональное распределение между двусторонними и многосторонними механизмами.

Например, вопросы миграции часто требуют двусторонней детализации, поскольку миграционные потоки между Россией и отдельными государствами региона имеют разную интенсивность и структуру [85]. Вопросы региональной безопасности, напротив, нуждаются в многосторонней координации. Экономические проекты могут сочетать оба формата: стратегическое согласование на уровне интеграционных объединений и практическую реализацию через двусторонние механизмы [86]. Такая гибридная модель представляется наиболее рациональной, поскольку она не пытается загнать всю внешнюю политику в один формат, как будто международные отношения это мебель из коробки с инструкцией [87].

Сравнительный анализ показывает, что одним из слабых мест внешнеполитических моделей является недостаточная связь между экспертной аналитикой и практическим принятием решений. Научные исследования, аналитические доклады и экспертные прогнозы часто существуют отдельно от реальной политики [88]. В результате решения принимаются под влиянием текущей конъюнктуры, ведомственной логики или политической инерции [89]. Для повышения эффективности внешнеполитической систематизации необходимо создать устойчивый контур экспертного сопровождения. Он должен включать мониторинг региональных процессов, оценку рисков, подготовку сценариев, анализ последствий решений и обратную связь от участников взаимодействия [90].

Особое значение здесь может иметь создание единой аналитической матрицы внешнеполитического взаимодействия Российской Федерации с государствами Центральной Азии. Такая матрица могла бы включать несколько блоков: политический, экономический, безопасностный, гуманитарный, правовой, информационный и инфраструктурный

[91]. По каждому блоку могут определяться цели, инструменты, ответственные институты, риски, индикаторы эффективности и временные горизонты реализации. Именно такая матричная логика позволяет перейти от общего описания сотрудничества к управляемой модели [92]. Да, это звучит сухо, зато работает лучше, чем очередная торжественная фраза о вечной дружбе.

Вместе с тем нельзя игнорировать проблему асимметрии ресурсов. Российская Федерация обладает значительно большими политическими, военными, экономическими и информационными возможностями по сравнению с большинством государств Центральной Азии. Такая асимметрия может быть источником эффективности, если используется для поддержки совместных проектов и укрепления региональной стабильности [93]. Но она может стать и источником напряженности, если воспринимается партнерами как давление или навязывание решений [94]. Поэтому систематизация внешней политики должна включать механизмы учета чувствительности партнеров к вопросам равноправия, суверенитета и взаимной выгоды.

Принцип взаимной выгоды должен быть не риторическим украшением, а практическим критерием оценки внешнеполитических инициатив. Если проект выгоден только одной стороне, его устойчивость будет ограниченной. Если же он создает распределенные преимущества, он имеет больше шансов стать долгосрочным [95]. В этом смысле экономические, образовательные, инфраструктурные и безопасностные инициативы должны проектироваться с учетом интересов всех участников. Особенно важно избегать ситуации, при которой региональные партнеры воспринимают внешнеполитические инициативы как инструмент зависимости [96]. В современных условиях такая зависимость быстро становится политически токсичной.

Дискуссия о систематизации внешней политики неизбежно затрагивает и проблему конкуренции внешних акторов. Центральная Азия представляет интерес для разных государств и международных объединений. При этом конкуренция не всегда имеет открыто конфликтный характер [97]. Она может проявляться через инвестиции, образовательные программы, инфраструктурные проекты, военное сотрудничество, культурное влияние, цифровые платформы и экспертную дипломатию. Российская Федерация в этой ситуации должна не только реагировать на действия других акторов, но и формировать собственную позитивную повестку [98]. Простая логика противодействия недостаточна. Нужна логика предложения.

Позитивная повестка может включать развитие совместных производственных цепочек,

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

поддержку образовательных программ, технологическую кооперацию, развитие транспортных маршрутов, совместные меры по безопасности, культурные проекты и расширение экспертного диалога. Она должна быть понятной, измеримой и привлекательной для государств региона [99]. Внешняя политика, построенная исключительно на предупреждениях и опасениях, редко бывает достаточно убедительной. Люди и государства, как ни странно, предпочитают видеть не только то, от чего их защищают, но и то, что им предлагают взамен [100].

Важным направлением является молодежная и образовательная политика. В Центральной Азии растет новое поколение, для которого советский опыт уже не является личной памятью. Их представления о России, международной политике, интеграции и будущем региона формируются через современные образовательные, цифровые и культурные каналы. Поэтому внешнеполитическая модель, ориентированная только на старые связи, будет постепенно терять эффективность [101]. Необходимо развивать академические обмены, совместные исследовательские проекты, программы двойных дипломов, научные сети, молодежные форумы и цифровые образовательные платформы. При этом содержание таких программ должно быть современным, а не музейным. Ностальгия не является стратегией, хотя некоторые политические тексты отчаянно пытаются доказать обратное [102].

Научно-экспертное сотрудничество также может стать самостоятельным элементом модели. Совместные исследования по вопросам региональной безопасности, миграции, водно-энергетических ресурсов, цифровой экономики, правового регулирования, транснациональной преступности и социального развития позволяют формировать общую аналитическую базу. Это особенно важно, потому что без совместного знания невозможно устойчивое совместное действие. Если каждая сторона опирается только на собственные данные и собственные интерпретации, возрастает риск неправильного понимания мотивов партнера.

В дискуссионном плане важно подчеркнуть, что систематизация внешней политики не должна подменять собой политическую гибкость. Чрезмерно жесткая модель может привести к бюрократизации внешнеполитического процесса. Внешняя политика требует не только структурности, но и способности к маневру. Поэтому предлагаемая модель должна быть рамочной, а не директивной [103]. Она должна задавать логику анализа и координации, но не превращаться в неподвижную схему. Особенно в регионе, где политическая динамика зависит от

множества переменных: внутренней политики государств, элитных решений, экономической конъюнктуры, внешнего давления, социальных настроений и событий безопасности.

Следовательно, оптимальная модель систематизации должна сочетать три свойства: устойчивость, гибкость и чувствительность к контексту. Устойчивость обеспечивает преэминентность внешнеполитических целей. Гибкость позволяет адаптироваться к изменениям. Чувствительность к контексту предотвращает применение одинаковых решений к разным ситуациям [104]. Без этих свойств модель либо развалится, либо станет декоративной, либо будет вредить собственным целям [105].

Отдельный пласт дискуссии связан с понятием региональной субъектности Центральной Азии. В последние годы региональные государства стремятся активнее выстраивать внутрирегиональные форматы сотрудничества, развивать собственную повестку и выступать не только как объекты политики крупных держав, но и как самостоятельные участники международных процессов [106]. Для Российской Федерации это создает как вызовы, так и возможности. Вызов состоит в том, что прежняя инерционная модель влияния становится менее эффективной. Возможность заключается в том, что более зрелая региональная субъектность может стать основой для равноправного и устойчивого партнерства [107].

В этом смысле систематизация внешней политики должна учитывать не только отношения России с каждым государством региона, но и процессы внутри самой Центральной Азии. Региональная кооперация между центральноазиатскими государствами может усиливать стабильность и создавать более предсказуемую среду для внешнего взаимодействия. Российская политика в таком случае должна быть настроена не на разобщение региональных участников, а на поддержку тех форм кооперации, которые не противоречат российским интересам и способствуют общей безопасности. Политика, основанная на принципе разделения партнеров, может давать краткосрочные выгоды, но в долгосрочной перспективе подрывает доверие [108]. История, как обычно, уже несколько раз это показывала, но люди любят пересдавать экзамен.

Необходимо также обсудить вопрос ценностного измерения. Внешняя политика России и государств Центральной Азии часто строится на принципах суверенитета, невмешательства, политической стабильности и уважения к национальным моделям развития. Эти принципы формируют общую нормативную основу взаимодействия. Однако практическое содержание этих принципов может различаться.

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

Например, невмешательство может пониматься как защита суверенитета, но также может ограничивать возможности совместного реагирования на трансграничные проблемы [109]. Поэтому модель систематизации должна предусматривать баланс между уважением к внутренней самостоятельности государств и необходимостью коллективных действий там, где угрозы выходят за пределы национальных границ [110].

Водно-энергетическая проблематика является одним из примеров таких трансграничных вопросов. Центральная Азия имеет сложную систему распределения водных ресурсов, связанную с интересами верховьев и низовьев рек, энергетическими потребностями, сельским хозяйством и экологической устойчивостью. Хотя Российская Федерация не является центральным участником всех водных споров региона, она может играть роль партнера, инвестора, технологического участника и посредника в более широких форматах устойчивого развития [111]. Включение экологического и водно-энергетического блока в модель внешнеполитической систематизации позволило бы расширить ее за пределы традиционных вопросов безопасности и экономики [112].

Экологическая безопасность в целом становится все более значимым направлением. Проблемы изменения климата, деградации земель, дефицита воды, промышленного загрязнения и природных рисков влияют на социальную стабильность и экономическое развитие региона. Внешняя политика, игнорирующая экологические вопросы, становится неполной [113]. Для России и государств Центральной Азии совместные программы экологического мониторинга, водосбережения, устойчивой энергетики и реагирования на чрезвычайные ситуации могут стать важной частью долгосрочного сотрудничества. Это направление особенно перспективно, поскольку оно менее политизировано и может формировать доверие через практические результаты [114].

Цифровое измерение также требует включения в модель. Цифровизация государственных услуг, развитие кибербезопасности, защита персональных данных, регулирование платформ, цифровая торговля и информационная инфраструктура становятся все более значимыми для внешнеполитического взаимодействия. В Центральной Азии цифровая трансформация идет неравномерно, но ее значение возрастает. Российская Федерация может развивать совместные проекты в сфере цифровых решений, образовательных технологий, кибербезопасности и электронного документооборота [115]. Однако

здесь также необходима осторожность, поскольку цифровая сфера связана с вопросами суверенитета данных и технологической зависимости.

Правильная модель систематизации должна учитывать, что внешняя политика все чаще реализуется через технологические стандарты. Тот, кто предлагает инфраструктуру, платформы, программные решения и стандарты безопасности, получает не только экономическое, но и политическое влияние [116]. Поэтому цифровое сотрудничество должно быть включено в стратегическую рамку не как второстепенное направление, а как один из элементов будущей архитектуры партнерства.

Дискуссионным остается вопрос о том, насколько предлагаемая модель может быть универсальной. С одной стороны, она разрабатывается применительно к российско-центральноазиатскому направлению. С другой стороны, отдельные ее элементы могут быть использованы для анализа внешнеполитического взаимодействия России с другими регионами. Однако полная универсализация была бы ошибочной [117]. Центральная Азия обладает уникальным сочетанием исторических связей, геополитического положения, интеграционных форматов, миграционных потоков и культурной близости. Поэтому модель может иметь переносимые методологические элементы, но ее содержательная часть должна оставаться регионально специфичной [118].

Научная значимость обсуждаемой модели состоит в том, что она позволяет преодолеть фрагментарность анализа. В большинстве исследований внешняя политика рассматривается через отдельные направления: безопасность, экономика, интеграция, миграция, гуманитарное сотрудничество. Такой подход полезен, но недостаточен для понимания целостной картины [119]. Системная модель позволяет связать эти направления между собой, выявить их взаимное влияние и определить приоритеты. Например, миграционная политика влияет на гуманитарные связи, гуманитарные связи влияют на общественное восприятие, общественное восприятие влияет на устойчивость политического партнерства, а политическое партнерство влияет на безопасность [120]. Все связано со всем, что раздражает, но зато похоже на реальность.

Практическая значимость модели заключается в возможности ее применения в аналитической и управленческой деятельности. Она может использоваться при подготовке внешнеполитических стратегий, аналитических докладов, межведомственных программ, экспертных заключений и сценарных прогнозов [121]. Особенно полезной она может быть для оценки текущего состояния отношений с каждым

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

государством региона и выявления направлений, требующих корректировки. При этом модель не должна подменять политическое решение, но может повысить его обоснованность [122].

В рамках дискуссии необходимо обозначить и ограничения исследования. Первое ограничение связано с динамичным характером международных отношений. Любая модель фиксирует определенное состояние системы, тогда как сама система постоянно меняется. Второе ограничение связано с доступностью данных, особенно в сфере неформальных политических договоренностей, закрытых переговоров и стратегических оценок. Третье ограничение обусловлено тем, что внешнеполитическое поведение государств не всегда рационально в строгом аналитическом смысле [123]. На него влияют элитные интересы, исторические обиды, символическая политика, внутривполитические расчеты и случайные события. Да, государства тоже иногда ведут себя так, будто не читали собственные стратегии.

Тем не менее наличие ограничений не снижает ценности модели. Напротив, оно показывает необходимость ее гибкого применения. Систематизация не означает абсолютного предсказания. Она означает повышение степени понимания, структурирование факторов и снижение неопределенности. В международной политике это уже немало [124].

Особо следует подчеркнуть, что предлагаемая модель не должна рассматриваться как инструмент доминирования. Ее смысл заключается в повышении согласованности и эффективности внешнеполитического взаимодействия. Для долгосрочной устойчивости партнерства между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии необходимо не усиление одностороннего контроля, а формирование механизмов координации, основанных на учете интересов, взаимной выгоде и уважении субъектности [125]. Только такая логика может обеспечить устойчивую архитектуру сотрудничества.

В данном контексте перспективным является принцип сопряжения стратегий. Он предполагает не полное слияние внешнеполитических курсов, а выявление тех направлений, где возможно согласование целей и инструментов. Например, Россия и государства Центральной Азии могут иметь разные глобальные приоритеты, но совпадать в вопросах региональной безопасности, транспортной связанности, борьбы с транснациональными угрозами, образовательного сотрудничества и экономической устойчивости [126]. Именно эти совпадающие зоны должны становиться ядром систематизированной политики.

При этом зона расхождения интересов также должна быть предметом анализа, а не замалчивания. Внешнеполитическая модель, которая описывает только совпадения, будет неполной и даже опасной. Различия необходимо выявлять заранее, классифицировать по степени риска и разрабатывать механизмы их управления [127]. Расхождения могут быть низкоинтенсивными, если они касаются отдельных технических вопросов. Они могут быть средними, если затрагивают экономические интересы. Они могут быть высокими, если связаны с вопросами безопасности, суверенитета или внешнеполитического выбора [128]. Такая классификация позволяет не ждать кризиса, а работать с противоречиями до их обострения.

Сценарный подход может стать важным дополнением к модели. Для каждого ключевого направления взаимодействия целесообразно разрабатывать несколько сценариев: оптимистический, базовый, кризисный и трансформационный. Оптимистический сценарий предполагает углубление сотрудничества и рост согласованности. Базовый фиксирует сохранение текущей динамики [129]. Кризисный описывает возможное ухудшение отношений или усиление внешнего давления. Трансформационный учитывает качественные изменения, например смену региональных приоритетов, появление новых транспортных коридоров, изменение баланса внешних акторов или внутренние политические реформы [130]. Такой подход позволяет сделать внешнеполитическую систематизацию не только описательной, но и прогностической.

Еще одним важным элементом является оценка рисков. Внешнеполитические риски в центральноазиатском направлении можно разделить на несколько групп: политические, экономические, безопасностные, социальные, информационные, правовые и инфраструктурные. Политические риски связаны с изменением внешнеполитических ориентаций, внутривполитической нестабильностью и элитными трансформациями [131]. Экономические риски включают зависимость от сырьевых рынков, санкционное давление, торговые ограничения и инфраструктурные сбои. Безопасностные риски охватывают терроризм, экстремизм, наркотрафик, пограничные конфликты и транснациональную преступность. Социальные риски связаны с миграцией, межэтническими напряжениями и общественным восприятием внешних партнеров [132]. Информационные риски включают дезинформацию, поляризацию общественного мнения и конкурирующие нарративы. Правовые риски проявляются в несогласованности нормативных режимов. Инфраструктурные риски

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

касаются транспортных, энергетических и цифровых систем [133].

Включение риск-анализа в модель делает ее более практичной. Внешняя политика не должна ограничиваться формулированием желаемых целей. Она должна понимать, что может пойти не так, насколько серьезными будут последствия и какие меры необходимо подготовить заранее. Это, казалось бы, очевидно, но политические системы иногда ведут себя так, будто слово риск придумали только для страховых компаний [134].

Дискуссия также должна затронуть вопрос кадрового и институционального обеспечения внешнеполитической систематизации. Даже самая продуманная модель не будет работать, если отсутствуют специалисты, способные ее применять. Необходимы эксперты по региону, аналитики данных, юристы-международники, специалисты по безопасности, экономисты, социологи, культурологи и переводчики [135]. Центральная Азия требует глубокого знания языков, политических контекстов, элитных структур, региональных различий и исторической памяти. Поверхностная экспертиза здесь особенно опасна, потому что она создает иллюзию понимания [136].

Поэтому одним из практических выводов является необходимость развития специализированных исследовательских центров и экспертных сетей, ориентированных на Центральную Азию. Такие структуры могли бы обеспечивать государственные органы, академическое сообщество и интеграционные институты качественной аналитикой. В идеале они должны работать не только в Москве или других крупных центрах России, но и в постоянном взаимодействии с экспертными организациями самих центральноазиатских государств [137]. Совместная экспертиза снижает риск одностороннего взгляда и повышает доверие к выводам.

Важным является и вопрос языка описания партнерства. Политическая риторика имеет значение. Формулировки, используемые в официальных документах и публичных заявлениях, могут укреплять доверие или, наоборот, вызывать раздражение [138]. В отношении Центральной Азии особенно важно использовать язык равноправия, уважения и совместного развития. Любые намеки на иерархичность отношений могут восприниматься болезненно [139]. Поэтому систематизация внешней политики должна включать не только институты и механизмы, но и коммуникативные принципы.

В более широком теоретическом плане рассматриваемая модель может быть соотнесена с несколькими подходами международных отношений. Реалистический подход позволяет

объяснить стремление России сохранять влияние в стратегически значимом регионе и учитывать конкуренцию внешних акторов [140]. Либерально-институциональный подход показывает значение организаций, норм и экономической взаимозависимости. Конструктивистский подход раскрывает роль идентичности, исторической памяти, языка и восприятия. Ни один из этих подходов сам по себе не дает полного объяснения [141]. Поэтому модель систематизации должна быть теоретически комбинированной. И да, иногда академическая эклектика не является слабостью, если она отражает сложность объекта, а не неспособность автора выбрать позицию.

С точки зрения реализма, Центральная Азия важна для России как зона безопасности, геополитического влияния и стратегической глубины. В этой логике систематизация внешней политики направлена на укрепление позиций России и снижение влияния конкурентов. Однако чисто реалистическая трактовка не объясняет значения гуманитарных связей, образовательного сотрудничества и общественного восприятия [142]. С точки зрения институционализма, ключевую роль играют организации, договоры и режимы сотрудничества. Но этот подход может недооценивать неформальные практики и баланс сил. Конструктивизм позволяет понять символические и идентичностные аспекты, но иногда недостаточно учитывает материальные интересы [143]. Поэтому комплексный подход является наиболее оправданным.

На уровне практической политики это означает, что Россия должна одновременно работать с силовыми, экономическими, институциональными и гуманитарными инструментами. Нельзя заменить безопасность культурой, экономику риторикой, институты личными контактами, а стратегию случайными реакциями [144]. Все эти элементы должны быть связаны. Именно в этом и состоит смысл систематизации.

Особую роль играет вопрос доверия. Доверие в международных отношениях не является абстрактной моральной категорией. Это практический ресурс, который снижает транзакционные издержки, облегчает переговоры, ускоряет согласование решений и уменьшает вероятность конфликтной интерпретации действий партнера [145]. Для Российской Федерации и государств Центральной Азии доверие должно формироваться на нескольких уровнях: политическом, институциональном, экспертном, общественном и деловом. Если доверие существует только на уровне официальных заявлений, оно остается хрупким [146]. Если оно подкреплено экономическими связями, образовательными программами,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

совместными институтами и регулярной коммуникацией, оно становится устойчивее.

Однако доверие невозможно навязать. Его можно только постепенно формировать через предсказуемость, уважение обязательств, учет интересов и отказ от резких односторонних действий. Поэтому модель систематизации должна включать принцип предсказуемости как один из базовых [147]. Предсказуемость не означает отсутствие изменений. Она означает, что изменения объясняются, согласуются и не воспринимаются партнерами как внезапное давление.

В заключительной части дискуссии необходимо подчеркнуть, что систематизация внешней политики Российской Федерации совместно с союзниками из Центральной Азии представляет собой не техническую, а стратегическую задачу [148]. Она требует пересмотра самого способа мышления о регионе. Центральная Азия не должна рассматриваться только как буфер, транзитное пространство, рынок, зона безопасности или историческое наследие. Она является самостоятельным региональным комплексом, в котором Россия может сохранять и развивать свои позиции только через сочетание уважения, выгоды, институциональной точности и стратегической гибкости [149].

Предлагаемая модель позволяет связать воедино разрозненные направления взаимодействия и перевести внешнеполитическую деятельность в более управляемую плоскость. Ее основная ценность заключается в том, что она предлагает не очередной набор общих заявлений, а логику анализа и координации [150]. Она исходит из того, что эффективная внешняя политика должна быть структурированной, но не жесткой; стратегической, но не оторванной от практики; ориентированной на интересы России, но учитывающей субъектность союзников; институциональной, но не бюрократически перегруженной; долгосрочной, но адаптивной [151].

В конечном счете дискуссия показывает, что успешная внешнеполитическая систематизация возможна только при соблюдении нескольких условий. Во-первых, необходимо признание многообразия интересов государств Центральной Азии. Во-вторых, требуется переход от декларативного партнерства к проектной и индикативной логике взаимодействия [152]. В-третьих, необходимо сочетание двусторонних и многосторонних форматов. В-четвертых, следует развивать экспертно-аналитическое сопровождение политики. В-пятых, важно учитывать гуманитарные, информационные, миграционные, цифровые и экологические

измерения наряду с традиционными вопросами безопасности и экономики. В-шестых, система должна быть способна к регулярной корректировке [153].

Таким образом, рассматриваемая модель может быть представлена как инструмент стратегической координации, позволяющий Российской Федерации и ее союзникам из Центральной Азии выстраивать более устойчивую, предсказуемую и взаимовыгодную архитектуру внешнеполитического взаимодействия. Ее внедрение в научный и прикладной оборот способно повысить качество анализа региональных процессов, усилить практическую направленность внешнеполитических решений и создать основу для более зрелого формата партнерства. И если человечество все-таки решит когда-нибудь заниматься политикой не только через кризисы, обиды и торжественные протоколы, такая модель может ему даже пригодиться.

Результаты

Проведенное исследование позволило сформировать целостное представление о внешней политике Российской Федерации в отношении союзников и партнеров из Центральной Азии как о сложной многоуровневой системе, требующей не фрагментарного описания, а последовательной систематизации. Главный результат состоит в том, что внешнеполитическое взаимодействие в данном направлении не может быть сведено только к дипломатическим контактам, участию в интеграционных объединениях или отдельным двусторонним соглашениям. Оно представляет собой совокупность политических, правовых, экономических, безопасностных, гуманитарных, миграционных, информационных и инфраструктурных процессов, которые находятся в постоянной взаимосвязи. Собственно, в этом и заключается вся прелесть международных отношений: только кажется, что речь идет о переговорах, а потом внезапно выясняется, что туда вплетены рынки труда, водные ресурсы, транспортные коридоры, историческая память, элиты, безопасность, язык и еще десяток вещей, которые люди упорно пытаются уложить в одну аккуратную таблицу.

В результате исследования установлено, что Центральная Азия для Российской Федерации выступает не просто географически близким регионом, а стратегическим пространством, в котором пересекаются интересы безопасности, экономики, интеграции, культурного влияния и долгосрочной региональной стабильности. При этом государства Центральной Азии не являются пассивными участниками внешнеполитического процесса. Они обладают самостоятельной

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИНЦ (Russia) = 0.191
 ESJI (KZ) = 8.100
 SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

субъектностью, собственными национальными интересами и разной степенью вовлеченности в союзнические и интеграционные механизмы с Российской Федерацией. Поэтому любая модель

внешнеполитической систематизации должна учитывать не только российский стратегический интерес, но и политическую самостоятельность государств региона.

МНОГОУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

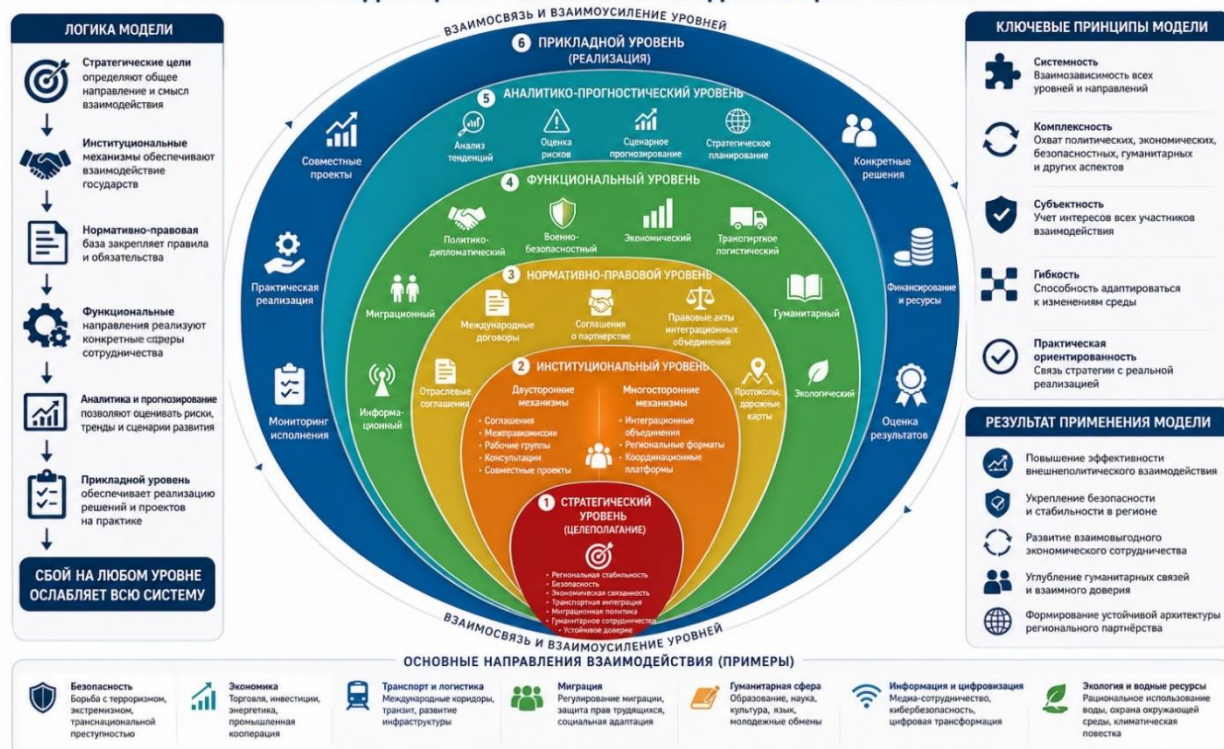

Рисунок 1. Многоуровневая модель систематизации внешней политики Российской Федерации в отношении государств Центральной Азии.

Одним из ключевых результатов стало обоснование необходимости перехода от линейного понимания внешней политики к системной модели. Линейный подход предполагает, что внешняя политика строится по схеме цель, решение, действие, результат. Однако применительно к Центральной Азии такая схема является недостаточной, поскольку каждое внешнеполитическое действие вызывает множество связанных последствий. Например, экономическое соглашение может повлиять на миграционные процессы, миграционные процессы отражаются на общественном восприятии, общественное восприятие влияет на политический диалог, а политический диалог, в свою очередь, определяет устойчивость дальнейших соглашений. Следовательно, внешняя политика должна рассматриваться как живая система взаимных зависимостей, а не как набор отдельных мероприятий.

В ходе исследования была разработана модель систематизации внешней политики Российской Федерации совместно с союзниками из Центральной Азии. Данная модель включает

несколько взаимосвязанных уровней: стратегический, институциональный, нормативно-правовой, функциональный, аналитико-прогностический и прикладной. Каждый из этих уровней выполняет самостоятельную роль, однако их значение раскрывается только во взаимосвязи.

Стратегический уровень модели отражает долгосрочные цели Российской Федерации и ее союзников в Центральной Азии. К таким целям относятся поддержание региональной стабильности, укрепление безопасности, развитие экономической связанности, расширение транспортно-логистического взаимодействия, координация миграционной политики, сохранение гуманитарных связей и формирование устойчивого политического доверия. Установлено, что именно стратегический уровень задает общий смысл внешнеполитического взаимодействия, однако сам по себе он не обеспечивает практического результата. Без институционального и прикладного наполнения стратегические формулы остаются декларативными, то есть превращаются в тот

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИЦ (Russia) = 0.191
 ESJI (KZ) = 8.100
 SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

самый дипломатический туман, в котором удобно фотографироваться, но невозможно управлять процессами.

СИСТЕМА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАПРАВЛЕНИЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(функциональная взаимозависимость и мультипликативные эффекты)

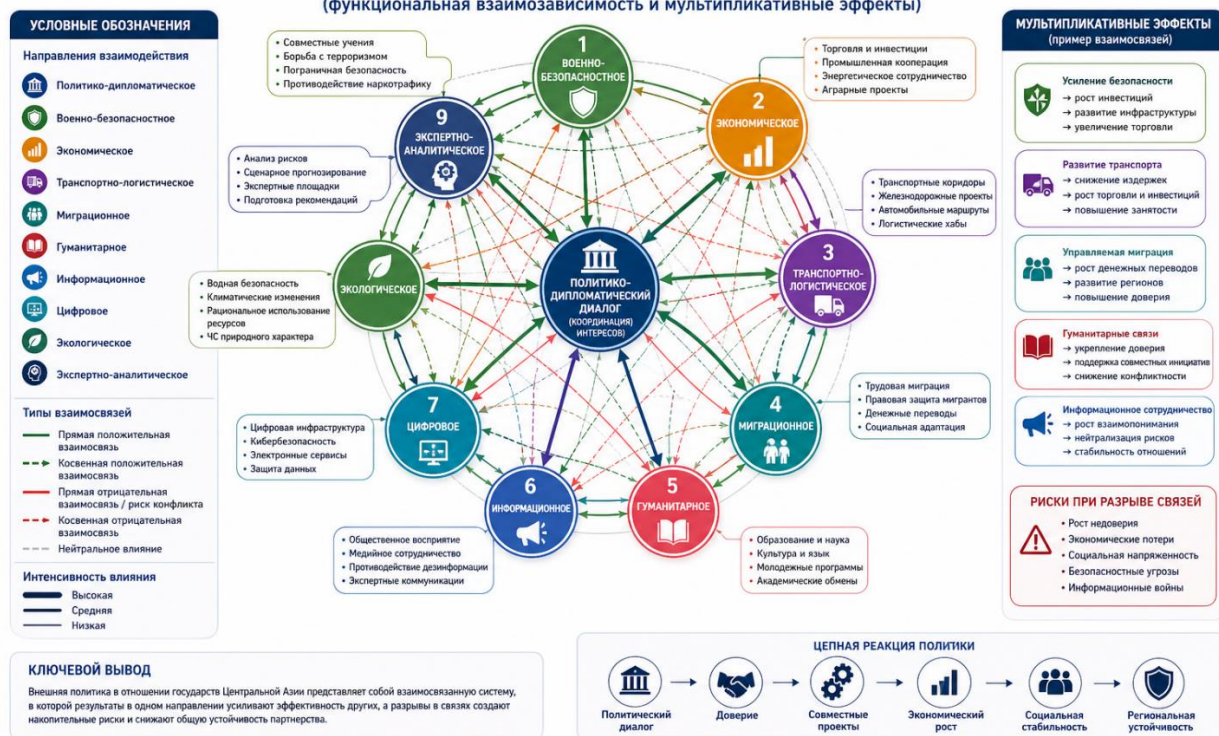

Рисунок 2. Система взаимосвязей направлений внешней политики РФ с государствами Центральной Азии.

Институциональный уровень модели включает двусторонние и многосторонние механизмы взаимодействия. К двусторонним механизмам относятся межгосударственные соглашения, межправительственные комиссии, рабочие группы, дипломатические консультации, отраслевые программы и совместные проекты. К многосторонним механизмам относятся интеграционные и региональные форматы, в рамках которых государства координируют позиции по вопросам экономики, безопасности, транспорта, миграции и гуманитарного сотрудничества. В результате исследования установлено, что эффективность институционального уровня зависит не от количества созданных структур, а от их способности реально влиять на принятие решений и исполнение обязательств.

Нормативно-правовой уровень модели охватывает международные договоры, соглашения о стратегическом партнерстве, акты интеграционных объединений, отраслевые правовые документы, межведомственные протоколы и дорожные карты. Исследование показало, что в российско-центральноазиатском

взаимодействии существует достаточно широкая договорная база, однако проблема состоит не только в наличии норм, но и в их практической согласованности. Внешнеполитическая систематизация должна включать постоянный анализ того, какие нормы работают, какие остаются формальными, какие требуют обновления, а какие уже не соответствуют новым условиям международной среды.

Функциональный уровень модели представляет собой совокупность конкретных направлений внешнеполитического взаимодействия. В исследовании выделены следующие основные функциональные блоки: политико-дипломатический, военно-безопасностный, экономический, транспортно-логистический, миграционный, гуманитарный, информационный, цифровой, экологический и экспертно-аналитический. Такой подход позволил показать, что внешняя политика в отношении Центральной Азии не может быть ограничена только вопросами безопасности или экономики. Ее устойчивость формируется через сочетание разных сфер, каждая из которых усиливает или ослабляет другие.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Рисунок 3. Уровень и характер вовлеченности государств Центральной Азии в союзнические и интеграционные механизмы с Россией.

Политико-дипломатический блок модели связан с поддержанием регулярного диалога, согласованием позиций по международным вопросам, развитием доверия между руководством государств и созданием каналов предотвращения кризисов. В результате исследования установлено, что данный блок выполняет функцию общего политического каркаса. Без него даже экономические и гуманитарные проекты могут терять устойчивость, поскольку отсутствие политического доверия быстро приводит к осторожности, задержкам и взаимным подозрениям.

Военно-безопасностный блок занимает особое место, поскольку Центральная Азия находится в зоне потенциальных трансграничных угроз. Результаты исследования показали, что безопасность в регионе должна пониматься расширительно. Она включает не только военное сотрудничество, но и противодействие терроризму, экстремизму, наркотрафику, незаконному обороту оружия, транснациональной преступности, киберугрозам и информационным воздействиям. При этом установлено, что силовой компонент не может быть единственным инструментом обеспечения безопасности. Он должен сочетаться с профилактическими,

социальными, экономическими и образовательными механизмами.

Экономический блок модели отражает торговлю, инвестиции, промышленную кооперацию, энергетическое взаимодействие, аграрные связи и развитие совместных производственных проектов. Исследование показало, что экономическая связанность является одним из наиболее устойчивых факторов внешнеполитического партнерства. Однако она эффективна только в том случае, если воспринимается участниками как взаимовыгодная. Экономическая асимметрия может быть как ресурсом сотрудничества, так и источником напряженности. Поэтому внешнеполитическая систематизация должна включать оценку баланса выгод, распределения рисков и степени зависимости партнеров от отдельных направлений сотрудничества.

Транспортно-логистический блок выделен как самостоятельный результат исследования, поскольку Центральная Азия обладает особым транзитным значением. Регион находится на пересечении направлений, связывающих разные экономические пространства. Для Российской Федерации и государств Центральной Азии транспортные коридоры являются не только экономическим, но и стратегическим

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

инструментом. Развитие железнодорожных, автомобильных, энергетических и цифровых маршрутов способно усиливать взаимозависимость и формировать долгосрочную основу партнерства. Вместе с тем конкуренция коридоров и различие национальных инфраструктурных приоритетов требуют согласования, иначе транспортная политика превращается в набор параллельных проектов, которые гордо существуют рядом, но не складываются в систему.

Миграционный блок модели показал высокую значимость трудовой миграции как фактора внешнеполитического взаимодействия. В результате исследования установлено, что миграция не должна рассматриваться только как вопрос рынка труда или безопасности. Она одновременно является экономическим, социальным, правовым и гуманитарным процессом. От качества миграционной политики зависит восприятие России в обществах центральноазиатских государств, уровень социальной адаптации мигрантов, стабильность денежных переводов, состояние межкультурных связей и даже характер политического доверия между государствами. Поэтому систематизация внешней политики должна включать согласованную миграционную повестку, основанную на правовом регулировании, защите трудовых прав, языковой адаптации, профилактике нелегальных каналов и снижении социальной напряженности.

Гуманитарный блок исследования показал, что культурные, образовательные, научные и языковые связи являются не второстепенным, а стратегическим ресурсом внешней политики. Именно гуманитарное взаимодействие формирует долгосрочные основания доверия, которые не всегда измеряются быстро, но оказывают глубокое влияние на устойчивость партнерства. Установлено, что для новых поколений в Центральной Азии прежние исторические связи уже не являются автоматически значимыми. Поэтому гуманитарная политика должна обновляться, учитывать цифровую среду, молодежные интересы, национальную идентичность государств региона и современные образовательные запросы.

Информационный блок модели отражает значение общественного восприятия, медийных нарративов, экспертных оценок и цифровой коммуникации. В результате исследования установлено, что внешняя политика больше не реализуется только через официальные документы и дипломатические заявления. Она существует также в информационном пространстве, где конкурируют разные интерпретации истории, безопасности, интеграции, суверенитета и будущего региона.

Поэтому систематизация внешней политики должна включать мониторинг информационных рисков, анализ общественного мнения, работу с экспертными сообществами и развитие коммуникационных стратегий, основанных не на примитивной пропаганде, а на содержательном объяснении интересов и выгод сотрудничества.

Цифровой блок выделен как перспективное направление систематизации. Он включает кибербезопасность, цифровую торговлю, электронные государственные сервисы, защиту данных, цифровую инфраструктуру, технологические стандарты и платформенные решения. Исследование показало, что цифровая сфера постепенно становится самостоятельным направлением внешней политики. Государства, предлагающие цифровую инфраструктуру и стандарты, получают долгосрочное влияние на экономические и административные процессы партнеров. Однако цифровое сотрудничество должно учитывать вопросы технологического суверенитета и доверия, иначе оно может восприниматься как новая форма зависимости.

Экологический блок модели связан с вопросами водной безопасности, изменения климата, деградации земель, энергетического баланса, чрезвычайных ситуаций и устойчивого развития. В результате исследования установлено, что экологические вопросы в Центральной Азии имеют прямое отношение к региональной стабильности.

Водно-энергетические противоречия, дефицит ресурсов и природные риски могут влиять на экономику, социальную обстановку и межгосударственные отношения. Поэтому внешняя политика Российской Федерации совместно с союзниками региона должна включать экологическое измерение как часть долгосрочной стратегии, а не как декоративное приложение к основным направлениям.

Экспертно-аналитический блок является одним из важнейших результатов исследования. Установлено, что внешнеполитическая систематизация невозможна без постоянного аналитического сопровождения. Необходимы регулярный мониторинг региональных процессов, оценка рисков, сценарное прогнозирование, сравнительный анализ страновых траекторий, изучение общественного мнения и подготовка рекомендаций для практической политики. Без этого внешняя политика становится реактивной, то есть начинает отвечать на события после того, как они уже произошли. А это, как показывает человеческая история, любимый и самый дорогой способ управления.

В результате исследования предложена матричная структура систематизации внешнеполитического взаимодействия. Она предполагает, что по каждому направлению

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

сотрудничества должны быть определены цели, заинтересованные субъекты, правовая основа, действующие институты, ресурсы, риски, индикаторы эффективности и временные горизонты реализации. Такая матрица позволяет перейти от общего описания внешней политики к

управляемой аналитической конструкции. Она дает возможность видеть не только то, какие направления заявлены, но и то, какие из них реально обеспечены механизмами реализации.

Рисунок 4. Причинно-следственные связи внешней политики РФ и их мультипликативное воздействие на регион Центральной Азии.

Важным результатом стало выделение принципов, на которых должна основываться модель систематизации. К таким принципам относятся системность, взаимная выгода, уважение суверенитета, адаптивность, правовая определенность, институциональная согласованность, учет региональной специфики, индикативность, прогнозность и баланс двусторонних и многосторонних форматов. Каждый из этих принципов имеет практическое значение.

Принцип системности означает, что внешняя политика должна рассматриваться как совокупность взаимосвязанных направлений. Нельзя отдельно развивать безопасность и игнорировать гуманитарную сферу. Нельзя

строить экономическое сотрудничество без учета миграционных последствий. Нельзя продвигать интеграцию без понимания общественного восприятия. Системность позволяет избежать разрыва между разными блоками политики.

Принцип взаимной выгоды означает, что сотрудничество должно создавать ощутимые преимущества для всех участников. Если инициатива воспринимается только как выгодная Российской Федерации, но не учитывающая интересы центральноазиатских государств, ее устойчивость будет ограниченной. Внешнеполитическая модель должна исходить из того, что долгосрочное партнерство невозможно без распределения выгод и учета чувствительности партнеров.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Рисунок 5. Внешнеполитические приоритеты России в Центральной Азии: стратегические цели, инструменты и ожидаемые результаты.

Принцип уважения суверенитета особенно важен применительно к Центральной Азии. Государства региона чувствительно относятся к вопросам самостоятельности, национальной идентичности и внешнеполитического выбора. Поэтому модель должна исключать патерналистский подход. Союзничество и партнерство не должны подменяться иерархией. Чем яснее учитывается субъектность партнеров, тем устойчивее становится взаимодействие.

Принцип адаптивности означает способность модели изменяться под воздействием новых условий. Международная среда динамична, а Центральная Азия находится под влиянием разных внешних и внутренних факторов. Поэтому систематизация должна предусматривать механизмы обновления целей, пересмотра рисков и корректировки инструментов. Неподвижная модель в таком регионе быстро устаревает и превращается в красивый архивный документ.

Принцип правовой определенности требует, чтобы внешнеполитическое взаимодействие опиралось на ясную нормативную базу. Правовые документы должны быть согласованы между собой, применимы на практике и обеспечены механизмами исполнения. Без этого договоры остаются символическими текстами, которые удобно цитировать, но сложно использовать.

Принцип институциональной согласованности означает необходимость увязки деятельности разных органов, организаций и площадок. Внешняя политика часто страдает от ведомственной разобщенности, когда каждое направление развивается само по себе. Модель систематизации должна обеспечивать координацию между дипломатическими, экономическими, силовыми, образовательными, миграционными и аналитическими структурами.

Принцип учета региональной специфики означает, что Центральная Азия не может рассматриваться как однородное пространство. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан имеют разные политические режимы, экономические модели, внешнеполитические приоритеты, уровни участия в интеграционных структурах и общественные настроения. Поэтому модель должна быть общей по архитектуре, но гибкой по страновому применению.

Принцип индикативности предполагает использование измеримых показателей. Внешняя политика должна оцениваться не только через заявления и протоколы, но и через конкретные результаты: динамику торговли, количество совместных проектов, уровень выполнения соглашений, устойчивость политического диалога, общественное восприятие,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИНЦ (Russia) = 0.191
 ESJI (KZ) = 8.100
 SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

эффективность кризисного реагирования, развитие образовательных программ и другие показатели.

Принцип прогнозируемости означает необходимость сценарного мышления. Модель должна не только описывать текущее состояние, но и позволять прогнозировать вероятные изменения. Для этого необходимо учитывать базовые, благоприятные, кризисные и трансформационные сценарии развития отношений.

Принцип баланса двусторонних и многосторонних форматов означает, что не все вопросы можно решать одинаковым способом. Некоторые направления требуют прямого взаимодействия между двумя государствами, другие эффективнее реализуются через региональные или интеграционные организации. Результат исследования показывает, что

оптимальная модель должна сочетать оба формата, не противопоставляя их друг другу.

Отдельным результатом исследования стало выявление основных противоречий, влияющих на систематизацию внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии. Первое противоречие связано с сочетанием союзнических отношений и многовекторной политики государств региона. Центральназиатские государства заинтересованы в сотрудничестве с Россией, но одновременно развивают связи с другими внешними акторами. Это не должно автоматически восприниматься как угроза, поскольку многовекторность является естественным инструментом сохранения самостоятельности для средних и малых государств. Однако для России это означает необходимость формирования более привлекательной и гибкой повестки.

ДОРОЖНАЯ КАРТА РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РФ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2025–2035)

Этапы, ключевые инициативы и ожидаемые результаты

Рисунок 6. Дорожная карта реализации внешнеполитических приоритетов РФ в отношении государств Центральной Азии (2025–2035).

Второе противоречие связано с разницей между декларативным и практическим уровнями сотрудничества. На уровне заявлений стороны часто подчеркивают стратегическое партнерство, историческую близость и общность интересов. Однако на практике возникают вопросы исполнения соглашений, согласования экономических интересов, миграционного регулирования и общественного восприятия.

Следовательно, систематизация должна быть направлена на сокращение разрыва между политической риторикой и реальными механизмами.

Третье противоречие заключается в асимметрии ресурсов. Российская Федерация обладает значительно большими возможностями, чем большинство государств региона. Эта асимметрия может помочь реализации крупных

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИНЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

проектов, но одновременно может вызывать опасения зависимости. Поэтому внешнеполитическая модель должна учитывать психологию партнерства: не только объективные выгоды, но и то, как эти выгоды воспринимаются участниками.

Четвертое противоречие связано с конкуренцией внешних акторов. В Центральной Азии активны разные государства и объединения, предлагающие инвестиции, инфраструктурные проекты, образовательные программы, технологические решения и политические форматы. В результате Россия не может опираться только на историческую инерцию. Необходима

современная, содержательная и конкурентоспособная стратегия взаимодействия.

Пятое противоречие связано с изменением поколенческого восприятия. Молодежь государств Центральной Азии живет в иной информационной, образовательной и культурной среде. Исторические связи с Россией для нее уже не являются автоматическим основанием политической или культурной близости. Поэтому гуманитарная политика должна быть обновленной, а не ностальгической. Иначе она будет выглядеть как старый плакат, который забыли снять со стены после ремонта.

Рисунок 7. Карта рисков во внешнеполитическом взаимодействии РФ и государств Центральной Азии.

Шестое противоречие связано с различием национальных приоритетов самих центральноазиатских государств. У каждого государства региона свой уровень экономической открытости, свои вопросы безопасности, свои миграционные особенности и свои отношения с внешними акторами. Поэтому единая политика России в отношении Центральной Азии должна сочетаться с индивидуальными страновыми подходами.

В результате исследования предложена типология страновых траекторий взаимодействия. Первая траектория может быть обозначена как интеграционно-союзническая. Она характерна для государств, тесно вовлеченных в экономические и

военно-политические форматы сотрудничества с Российской Федерацией. Вторая траектория может быть названа прагматично-партнерской. Она предполагает активное сотрудничество по отдельным направлениям при сохранении значительной внешнеполитической самостоятельности. Третья траектория имеет нейтрально-балансирующий характер и строится на осторожном взаимодействии без жесткой институциональной привязки. Такая типология позволяет точнее описывать реальное многообразие отношений, не сводя все государства региона к одному общему образу.

Еще одним результатом стало определение трех горизонтов внешнеполитической

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

систематизации: краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного. Краткосрочный горизонт связан с оперативным реагированием на кризисы, проведением консультаций, согласованием текущих решений и управлением рисками. Среднесрочный горизонт включает реализацию совместных программ, развитие инфраструктуры, обновление правовых механизмов и укрепление институционального взаимодействия. Долгосрочный горизонт связан с формированием устойчивой архитектуры партнерства, развитием поколенческого доверия, созданием общих образовательных и экспертных пространств, а также закреплением Центральной Азии как стабильного пространства сотрудничества.

В рамках исследования установлено, что краткосрочные меры не должны противоречить долгосрочным целям. Это звучит очевидно, но в практике политики краткосрочная выгода часто разрушает стратегическое доверие. Например, резкое решение в миграционной сфере может дать быстрый административный эффект, но ухудшить общественное восприятие на годы. Экономическое давление может решить конкретный спор, но создать устойчивое недоверие. Поэтому модель систематизации должна предусматривать оценку долгосрочных последствий краткосрочных решений.

Рисунок 8. Индекс вовлеченности государств Центральной Азии во внешнеполитические механизмы с Российской Федерацией.

Существенным результатом является разработка системы индикаторов оценки эффективности внешнеполитического взаимодействия. В политико-дипломатическом блоке такими индикаторами могут быть регулярность контактов, уровень представительства, количество согласованных позиций, наличие механизмов кризисной коммуникации и степень выполнения совместных решений. В экономическом блоке индикаторами выступают динамика торговли, объём инвестиций, количество совместных предприятий, диверсификация экономических

связей и устойчивость цепочек поставок. В сфере безопасности индикаторами являются количество совместных учений, эффективность обмена информацией, снижение трансграничных угроз, наличие согласованных планов реагирования и уровень доверия между силовыми структурами.

В миграционной сфере индикаторами могут быть легальность трудовых потоков, количество заключённых трудовых соглашений, уровень социальной адаптации, защита прав мигрантов, сокращение нелегальных посреднических схем и снижение конфликтности в принимающем обществе. В гуманитарной сфере индикаторами

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИНЦ (Russia) = 0.191
 ESJI (KZ) = 8.100
 SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

выступают количество образовательных программ, академических обменов, совместных исследований, культурных проектов, языковых инициатив и молодежных платформ. В информационной сфере важны показатели

общественного восприятия, уровень доверия к партнерству, устойчивость к дезинформации, активность экспертных коммуникаций и качество публичного объяснения внешнеполитических инициатив.

КАРТА СТЕЙКХОЛДЕРОВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Интересы, взаимосвязи и влияние ключевых акторов

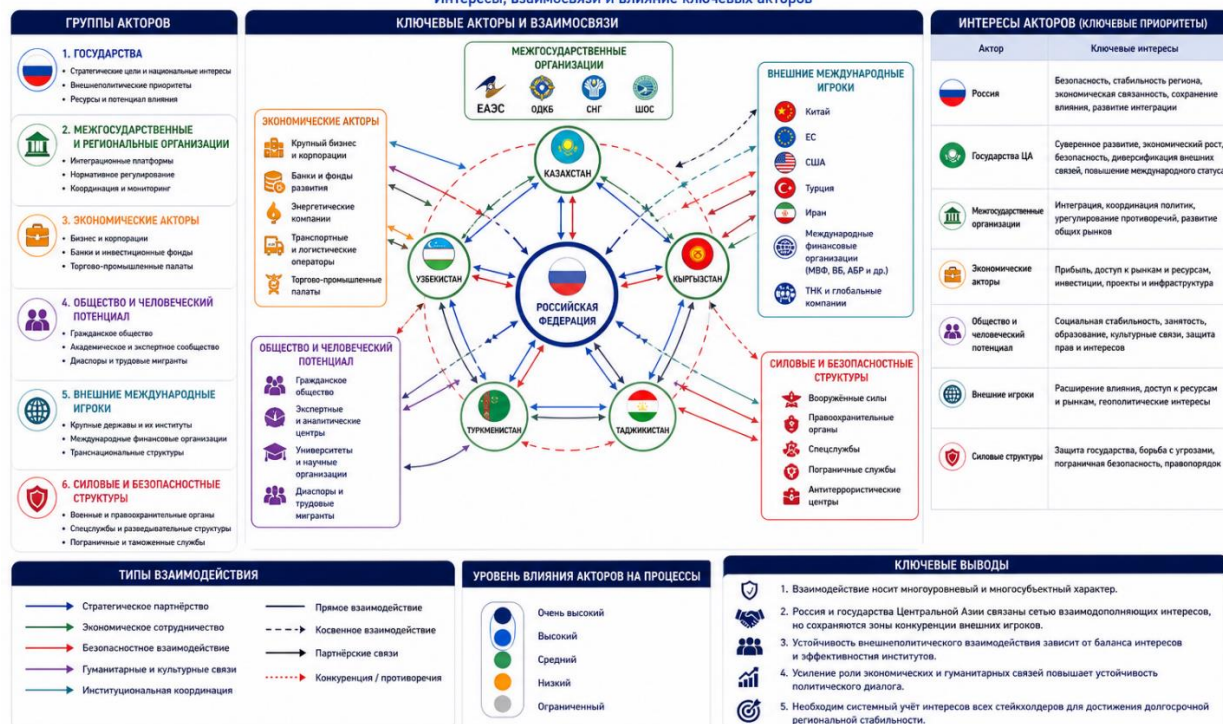

Рисунок 9. Карта стейкхолдеров внешнеполитического взаимодействия России и государств Центральной Азии.

В цифровой сфере индикаторами могут быть число совместных цифровых проектов, согласованность стандартов кибербезопасности, уровень защищенности данных, развитие электронного документооборота и участие в технологических платформах. В экологической сфере важны совместные программы мониторинга, проекты водосбережения, механизмы реагирования на природные риски, экологические исследования и согласование водно-энергетических интересов. Такая система индикаторов позволяет оценивать внешнюю политику не на уровне впечатлений, а на уровне проверяемых параметров.

Важным результатом исследования является вывод о необходимости включения риск-анализа в модель систематизации. Были выделены политические, экономические, безопасностные, социальные, информационные, правовые, инфраструктурные, экологические и цифровые риски. Политические риски связаны с изменением внешнеполитических приоритетов государств, внутривнутриполитической нестабильностью, элитными

транзитами и кризисами доверия. Экономические риски включают санкционное давление, торговые ограничения, дисбаланс рынков, зависимость от сырьевых потоков и нарушение логистических маршрутов.

Безопасностные риски охватывают терроризм, экстремизм, транснациональную преступность, наркотрафик, незаконный оборот оружия, пограничные конфликты и кибератаки. Социальные риски связаны с миграционным напряжением, межэтническими вопросами, ростом негативных стереотипов и снижением привлекательности партнерства среди молодежи. Информационные риски включают распространение дезинформации, конкурирующие нарративы, цифровую радикализацию и снижение доверия к официальным источникам. Правовые риски возникают из-за несогласованности нормативных режимов, слабого исполнения соглашений и отсутствия эффективных механизмов разрешения споров.

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Российской Федерации в отношении Центральной Азии рассмотрена не как набор отдельных направлений, а как системная модель, включающая взаимосвязанные уровни, функции, принципы, индикаторы и риски. Такой подход позволяет преодолеть фрагментарность традиционного анализа и предложить более целостное понимание регионального взаимодействия. В отличие от подходов, сосредоточенных только на безопасности или интеграции, данная модель включает также гуманитарное, миграционное, цифровое, информационное и экологическое измерения.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их применения при совершенствовании внешнеполитического планирования. Модель может быть использована для оценки текущего состояния отношений Российской Федерации с каждым государством Центральной Азии, выявления слабых мест, определения приоритетных направлений и подготовки комплексных программ сотрудничества. Она также может быть полезна для экспертных центров, образовательных учреждений, государственных органов и аналитических структур, занимающихся вопросами международных отношений и региональной безопасности.

В результате исследования подтверждено, что эффективная внешняя политика в Центральной Азии должна строиться не только на исторической близости, но и на современной конкурентоспособности предлагаемых решений. Историческая память, культурные связи и институциональная инерция имеют значение, но они не могут заменить экономическую привлекательность, уважение к суверенитету, качественную гуманитарную политику, технологическое сотрудничество и способность учитывать новые запросы обществ региона.

Также установлено, что модель систематизации должна быть открытой. Это означает, что она не является раз и навсегда завершенной схемой. Она должна изменяться вместе с регионом, международной обстановкой и самими участниками взаимодействия. Открытая модель допускает обновление индикаторов, добавление новых блоков, корректировку страновых траекторий и пересмотр рисков. Именно открытость делает ее пригодной для долгосрочного применения.

В итоговом виде результаты исследования позволяют сформулировать несколько обобщающих положений. Во-первых, внешняя политика Российской Федерации совместно с союзниками из Центральной Азии нуждается в систематизации, поскольку ее направления слишком взаимосвязаны, чтобы управляться фрагментарно. Во-вторых, Центральная Азия

должна рассматриваться как пространство самостоятельной региональной субъектности, а не только как объект внешнего влияния. Во-третьих, эффективная модель взаимодействия должна сочетать стратегические цели, институциональные механизмы, правовую базу, функциональные направления, индикаторы эффективности и риск-анализ. В-четвертых, устойчивость партнерства зависит от баланса интересов, взаимной выгоды и уважения суверенитета. В-пятых, гуманитарное, информационное, миграционное, цифровое и экологическое направления должны быть признаны полноценными элементами внешнеполитической стратегии. В-шестых, систематизация должна иметь не только описательное, но и прогностическое значение.

Таким образом, полученные результаты подтверждают, что разработанная модель систематизации внешней политики Российской Федерации совместно с союзниками из Центральной Азии может выступать как научно-аналитический и практико-ориентированный инструмент. Она позволяет упорядочить сложный комплекс межгосударственных связей, выявить ключевые направления сотрудничества, определить зоны риска, предложить индикаторы эффективности и сформировать основу для более устойчивой архитектуры регионального взаимодействия. И если отбросить весь академический мрамор, смысл простой: без системы такая политика будет напоминать огромный кабинет, где много дверей, папок и важных лиц, но никто до конца не понимает, где лежит нужный документ.

Заключение.

В рамках проведенного исследования была предпринята попытка не просто описать внешнюю политику Российской Федерации в отношении государств Центральной Азии, а выстроить ее в виде целостной, логически организованной модели, способной объяснить внутреннюю структуру, выявить закономерности и предложить практические ориентиры для дальнейшего развития. И если отбросить привычную академическую привычку прятать суть за сложными формулировками, итог довольно очевиден, но почему-то регулярно игнорируется на практике: сложные системы нельзя эффективно управлять фрагментами.

Полученные результаты подтвердили, что Центральная Азия для Российской Федерации представляет собой стратегически значимое пространство, в котором сосредоточены ключевые интересы в сфере безопасности, экономики, транспорта, миграции, гуманитарного взаимодействия и политического влияния. Однако

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.191
ESJI (KZ) = 8.100
SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

регион нельзя рассматривать как однородный объект внешнеполитического воздействия. Каждое государство Центральной Азии обладает собственной моделью развития, собственной внешнеполитической стратегией и различной степенью вовлеченности в союзнические и интеграционные форматы. Следовательно, внешняя политика России в данном направлении должна строиться не по универсальному шаблону, а с учетом дифференцированных страновых траекторий.

Ключевым выводом исследования стало обоснование системного подхода к внешнеполитической деятельности. В отличие от традиционного представления, где политика разбивается на отдельные направления, системная модель позволяет рассматривать ее как взаимосвязанную структуру, в которой политические решения, экономические процессы, миграционные потоки, гуманитарные связи и информационные факторы оказывают взаимное влияние. Такая логика позволяет избежать ситуации, когда решение одной задачи создает проблему в другой сфере, что, если честно, происходит чаще, чем принято признавать в официальных отчетах.

Разработанная модель систематизации включает несколько уровней, каждый из которых выполняет самостоятельную функцию. Стратегический уровень задает долгосрочные цели и ориентиры. Институциональный уровень обеспечивает механизмы взаимодействия через двусторонние и многосторонние форматы. Нормативно-правовой уровень формирует юридическую основу сотрудничества. Функциональный уровень отражает конкретные направления внешнеполитической деятельности. Аналитико-прогностический уровень отвечает за оценку рисков, мониторинг процессов и разработку сценариев. Прикладной уровень связан с реализацией конкретных проектов и инициатив. В совокупности эти уровни образуют структуру, позволяющую перейти от декларативной политики к управляемой системе.

Существенным результатом стало выделение ключевых функциональных блоков внешнеполитического взаимодействия. К ним относятся политико-дипломатическое, военно-безопасностное, экономическое, транспортно-логистическое, миграционное, гуманитарное, информационное, цифровое и экологическое направления. Каждый из этих блоков имеет собственную динамику, но их эффективность определяется степенью согласованности. Например, экономическое сотрудничество без учета миграционной политики может привести к социальной напряженности, а развитие инфраструктуры без политической координации может столкнуться с межгосударственными

противоречиями. Именно поэтому систематизация предполагает не просто перечисление направлений, а их увязку в единую модель.

Особое значение в исследовании было уделено принципам, на которых должна строиться внешнеполитическая систематизация. Среди них ключевыми являются системность, взаимная выгода, уважение суверенитета, адаптивность, правовая определенность, институциональная согласованность и учет региональной специфики. Эти принципы не являются абстрактными. Они выступают практическими ориентирами, позволяющими выстраивать более устойчивые и предсказуемые формы взаимодействия. В противном случае внешняя политика рискует превратиться либо в набор деклараций, либо в реактивную деятельность, где решения принимаются постфактум.

Важным выводом стало понимание того, что союзничество в Центральной Азии носит неоднородный характер. Оно не предполагает полного совпадения интересов и внешнеполитических позиций. Напротив, оно строится на частичном совпадении целей, которое требует постоянного согласования. Государства региона проводят многовекторную политику, стремясь сохранить баланс между различными внешними центрами силы. Это не является отклонением от партнерства с Российской Федерацией, а отражает объективную логику поведения государств в современной международной системе. Следовательно, эффективная модель взаимодействия должна учитывать эту многовекторность, а не пытаться ее игнорировать.

В рамках исследования было установлено, что одним из ключевых факторов устойчивости внешнеполитического взаимодействия является доверие. При этом доверие не формируется декларативно. Оно возникает на основе предсказуемости, соблюдения обязательств, учета интересов партнеров и прозрачности решений. В условиях Центральной Азии доверие имеет особое значение, поскольку регион характеризуется сложной историей, разнообразием политических систем и высокой чувствительностью к вопросам суверенитета. Любая модель, не учитывающая этот фактор, неизбежно будет сталкиваться с ограничениями.

Значительное внимание было уделено анализу противоречий, возникающих в процессе внешнеполитического взаимодействия. Среди них выделены расхождения между декларативным и практическим уровнями сотрудничества, асимметрия ресурсов, конкуренция внешних акторов, различие национальных приоритетов и изменение общественного восприятия. Установлено, что эффективная систематизация

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

должна не скрывать эти противоречия, а включать механизмы их управления. Игнорирование различий не устраняет их, а лишь откладывает момент, когда они проявятся в более острой форме.

Существенным результатом исследования стало обоснование необходимости включения в модель индикативного и прогностического компонентов. Внешняя политика должна оцениваться не только через достигнутые соглашения, но и через конкретные показатели эффективности. К таким показателям относятся устойчивость политического диалога, динамика экономических связей, уровень выполнения обязательств, эффективность совместных проектов, общественное восприятие партнерства и способность реагировать на кризисы. Дополнительно модель должна включать сценарное прогнозирование, позволяющее учитывать возможные изменения международной и региональной среды.

Отдельно следует отметить значение гуманитарного и информационного измерений. В современных условиях они становятся не менее важными, чем традиционные направления внешней политики. Образование, культура, научное сотрудничество, язык, медиа и цифровые коммуникации формируют долгосрочное восприятие партнерства. Игнорирование этих факторов приводит к тому, что даже при наличии экономических и политических связей взаимодействие остается поверхностным. В этом смысле внешняя политика должна работать не только с государствами, но и с обществами.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения разработанной модели в аналитической и управленческой деятельности. Она может использоваться для оценки текущего состояния отношений, выявления проблемных зон, разработки стратегий и подготовки внешнеполитических решений. Модель позволяет структурировать сложный массив информации, определить приоритеты и снизить уровень неопределенности при принятии решений. И да, это как раз тот редкий случай, когда теория действительно может быть полезной, а не просто красиво оформленной.

Вместе с тем исследование выявило ряд ограничений. Внешнеполитическая деятельность зависит от множества факторов, включая внутреннюю политику государств, экономическую конъюнктуру, международную обстановку и непредсказуемые события. Это означает, что ни одна модель не может полностью описать реальность. Однако систематизация позволяет повысить степень понимания и управляемости, что уже является значительным результатом.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением анализа отдельных функциональных блоков, разработкой количественных моделей оценки эффективности, изучением общественного восприятия внешнеполитического взаимодействия и сравнением российско-центральноазиатской модели с другими региональными форматами. Особый интерес представляет исследование цифрового и экологического измерений, которые будут играть все более значимую роль в будущем.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что внешняя политика Российской Федерации совместно с союзниками из Центральной Азии нуждается в систематизации как в научном, так и в практическом смысле. Разработанная модель позволяет рассматривать ее как комплексную систему, включающую взаимосвязанные уровни, направления и механизмы. Ее применение способствует повышению эффективности взаимодействия, снижению конфликтного потенциала и формированию более устойчивой архитектуры регионального сотрудничества.

И если под конец сказать максимально просто, без академической упаковки, вывод выглядит так: либо внешняя политика становится системой, либо она остается набором отдельных действий, которые иногда совпадают, а иногда мешают друг другу. История показывает, что второй вариант люди выбирают с удивительным упорством. Но это не повод продолжать.

Acknowledgements

Автор выражает искреннюю благодарность профессорско-преподавательскому составу кафедры «Международные отношения» факультета экономики и бизнеса Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави за профессиональную поддержку, содержательные научные дискуссии и критические замечания, оказавшие существенное влияние на формирование концепции и структуры настоящего исследования. Именно в рамках академического взаимодействия были уточнены ключевые методологические подходы, позволившие рассмотреть внешнеполитическое взаимодействие в системной логике.

Сильной стороной статьи является комплексный характер предложенной модели, позволяющий объединить политические, правовые, экономические и гуманитарные аспекты внешней политики в единую аналитическую конструкцию. В отличие от фрагментарных подходов, акцент сделан на взаимосвязанности процессов, что повышает прикладную значимость исследования. Также значимым результатом является разработка уровневой структуры и индикативной системы

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	РИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

оценки, что делает модель применимой в аналитической и экспертной практике.

Вместе с тем отдельные аспекты требуют дальнейшей доработки. Прежде всего это касается углубления количественного анализа, включая расширение системы измеримых показателей и эмпирической базы. Дополнительной проработки требует сравнительный анализ страновых моделей Центральной Азии, поскольку различия в их внешнеполитических стратегиях могут быть раскрыты более детально. Кроме того, перспективным направлением является более глубокая интеграция цифрового и экологического измерений в общую модель.

К числу перспектив развития исследования относится расширение сценарного анализа, разработка прикладных инструментов для государственных органов, а также адаптация

модели к другим региональным направлениям внешней политики. Особый интерес представляет дальнейшее изучение влияния общественного восприятия и информационной среды на устойчивость межгосударственного взаимодействия.

В процессе работы над статьей возникали отдельные, но несущественные барьеры, связанные с ограниченностью доступа к закрытым аналитическим данным, а также с высокой динамичностью международной среды, требующей постоянного обновления информации. Тем не менее указанные факторы не оказали принципиального влияния на достоверность и обоснованность полученных результатов. Все выводы и положения исследования отражают авторскую позицию.

References:

1. Ospanova, A. (2024). "Russia's 'Soft Power' Policy in the Countries of Central Asia: An Analysis of the Methods of 'People's Diplomacy' in the Field of Education." *Asian Journal of Political Science*. <https://doi.org/10.1080/02185377.2024.2345048>
2. Primiano, Christopher B., and Daniel C. O'Neill. 2025. "Central Asia and Russia's Invasion of Ukraine: Drifting Away from Moscow's Orbit?" *Asian Security*. <https://doi.org/10.1080/14799855.2025.2559230>
3. Mäkinen, Sirke. 2026. "Russia as a Higher Education Provider for Kazakhstan and Kyrgyzstan." *Central Asian Survey*. <https://doi.org/10.1080/02634937.2026.2620523>
4. Saito, Ryo. 2026. "Analyzing the Diversification of Logistics in Central Asian Countries." *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. <https://doi.org/10.1080/24761028.2026.2647862>
5. Arynov, Zhanibek. 2026. "The Eurasian Economic Union after a Decade." *Post-Communist Economies*. <https://doi.org/10.1080/15387216.2026.2633276>
6. Mahmud, Kawsar Uddin, and Md. Sakib Hossain. 2025. "Tracing the Geopolitical Influence and Regional Power Dynamics in Central Asia: A Thematic Analysis with Neorealist Perspectives." *Discover Global Society* 3. <https://doi.org/10.1007/s44282-025-00269-3>
7. Chiozza, Giacomo. 2026. "How the Sino-Russian Geopolitical Alignment Shapes China's Image in Kyrgyzstan." *Journal of Chinese Political Science*. <https://doi.org/10.1007/s11366-026-09935-y>
8. Gajardo, Mark Angelo. 2026. "Competing Regionalisms and Power Projection: Theorizing Sino-Russian Strategies in Central Asia." *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-025-00332-z>
9. Kluczevska, Karolina, and Kristiina Silvan. 2024. "Post-Soviet Dependence with Benefits? Critical Geopolitics of Belarus's and Tajikistan's Strategic Alignment with Russia." *Geopolitics*. <https://doi.org/10.1080/14650045.2024.2368621>
10. Muratshina, Ksenia G., and Marina V. Valeeva. 2025. "Migration from Central Asia to the Russian Federation: The Educational Aspect." *Vestnik RUDN. International Relations* 25, no. 4: 697–709. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-697-709>
11. Neafie, Jessica, Mukhtar Amanbaiuly, and Adiya Akhmer. 2025. "The Rising Multiplex World Order and Regional Order in Central Asia: A Case Study of the Emerging Role of the EU and Its Implications for Kazakhstan's Multivector Foreign Policy." *Economic Diplomacy* 3, no. 1: 41–51. <https://doi.org/10.2478/ecdiip-2025-0003>

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

12. Utebayev, Artur. 2025. "Central Asia in the Geopolitical Crossfire: Strategic Alignments Amidst the Russo-Ukrainian Conflict." *Economic Diplomacy* 3, no. 1: 30–40. <https://doi.org/10.2478/ecdip-2025-0002>
13. Tariq, N. 2025. "Central Asia as the Grand Chessboard: The EU, China, Russia's Regional Strategies and the C5's Responses." *Economic Diplomacy* 3, no. 1. <https://doi.org/10.2478/ecdip-2025-0004>
14. Khan, Shabir Ahmad. 2025. "Trans-Regional Integration and Connectivity in Central Asia: Strategies of Russia, China and European Union." *Economic Diplomacy* 3, no. 1. <https://doi.org/10.2478/ecdip-2025-0005>
15. Fazliddin, D. 2025. "Expanding Beyond Conventional Connections: Central Asian Nations Establish New Partnerships." *Economic Diplomacy* 3, no. 1: 74–83. <https://doi.org/10.2478/ecdip-2025-0006>
16. Marghelis, A. 2025. "Regionalization Processes in Central Asia and Southeast Asia." *Economic Diplomacy* 3, no. 1. <https://doi.org/10.2478/ecdip-2025-0007>
17. Khakimov, Farrukh. 2025. "'C5+1' as a Dovetailing Mechanism for Central Asia's Regional Integration: Insights from Uzbekistan." *Economic Diplomacy* 3, no. 1. <https://doi.org/10.2478/ecdip-2025-0012>
18. Zhang, Xiaotong, Assylzat Karabayeva, and Ruilei Xing. 2025. "Central Asia's Strategic Autonomy in the New Heartland: Introduction to the Special Issue." *Economic Diplomacy* 3, no. 1. <https://doi.org/10.2478/ecdip-2025-0013>
19. Hanson, M. 2025. "Russian Migration to Central Asia and the Caucasus." *Journal of Ethnic and Migration Studies*. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2024.2406359>
20. Li, Jie, Peiying Lv, Wenwen Wang, Yujing Lv, and Yuan Tao. 2025. "National Identities of China and the U.S. in Kazakhstan Media: A Post-Russia-Ukraine War Analysis." *Humanities and Social Sciences Communications* 12. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-06142-7>
21. Abu-Haltam, Dana. 2025. "Where to Throw the Hook? Chinese Strategic Partnership Selection and Its Effectiveness in Achieving Influence." *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-025-00297-z>
22. Lee, B. T. F., S. A. Bettani, and J. P. Sims. 2024. "Rise of China: Hegemony or Harmony?" *Chinese Political Science Review* 9: 381–417. <https://doi.org/10.1007/s41111-024-00253-3>
23. Sim, Li-Chen, and Farkhod Aminjonov. 2024. "Statecraft in the Steppes: Central Asia's Relations with China." *Journal of Contemporary China* 33: 618–633. <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2136937>
24. Olma, Nikolaos. 2024. "Tracing the Atom: Nuclear Legacies in Russia and Central Asia." *Central Asian Survey* 43, no. 1: 162–164. <https://doi.org/10.1080/02634937.2023.2296546>
25. Ivanov, I. P. 2025. "Choosing a Multi-Vector Approach in Kazakhstan's Foreign Policy." *World Economy and International Relations*. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-5-64-74>
26. Lempp, Jakob, and Sebastian Mayer. 2024. "Introduction: Central Asia in a Multipolar World." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 1–18. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_1.
27. Kirmse, Stefan B. 2024. "Spatial Conceptions of Central Asia: A Historical Overview." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 19–36. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_2.
28. Thibault, Hélène, and Sabina Insebayeva. 2024. "The Political System of Kazakhstan." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 39–55. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_3.
29. Burnashev, Rustam, and Irina Chernykh. 2024. "The Political System of Uzbekistan." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 57–73. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_4.
30. Lempp, Jakob. 2024. "The Political System of Kyrgyzstan." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_5.
31. Lemon, Edward. 2024. "The Political System of Tajikistan." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_6.
32. Arynov, Zhanibek, and Dina Sharipova. 2024. "Russia in Central Asia." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 269–286. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_16.

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

33. Von Hauß, Luba. 2024. "China in Central Asia." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 287–303. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_17.
34. Pepe, Jacopo Maria. 2024. "The EU in Central Asia." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_18.
35. Brand, Alexander. 2024. "The US in Central Asia." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_19.
36. Davé, Bhavna. 2024. "India in Central Asia." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 341–358. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_20.
37. Aydın, Mustafa. 2024. "Türkiye in Central Asia." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer, 359–376. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_21.
38. Karabaeva, Assylzat. 2024. "Japan in Central Asia." In *Central Asia in a Multipolar World: Internal Change, External Actors, Regional Cooperation*, edited by Jakob Lempp and Sebastian Mayer. Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-031-63727-8_22.
39. Neuman, Marek, and Agha Bayramov, eds. 2025. *European Union Governance in Central Asia: A Sectoral Approach*. London: Routledge. doi:10.4324/9781032670218.
40. Meyer, Julia K., Marek Neuman, and Agha Bayramov. 2025. "Introduction: The European Union's Governance in Central Asia: A Sectoral Approach." In *European Union Governance in Central Asia: A Sectoral Approach*, edited by Marek Neuman and Agha Bayramov. London: Routledge. doi:10.4324/9781032670218-1.
41. Bayramov, Agha, and Fabio Indeo. 2025. "Geopolitical Constraints in the EU's Revised Strategy towards Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan." In *European Union Governance in Central Asia: A Sectoral Approach*, edited by Marek Neuman and Agha Bayramov, 73–90. London: Routledge. doi:10.4324/9781032670218-7.
42. Bayramov, Agha, and Marek Neuman. 2025. "Conclusion: EU-Central Asia Relations: Adapting to New Realities on the Ground." In *European Union Governance in Central Asia: A Sectoral Approach*, edited by Marek Neuman and Agha Bayramov. London: Routledge. doi:10.4324/9781032670218-17.
43. Altunışık, Meliha Benli. 2024. "Turkey's 'Return' to Central Asia in a Shifting Global and Regional Context: New Opportunities and Limitations." *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. doi:10.1080/19448953.2024.2308971.
44. Çetinkaya, Ali Fuat, and Nuri Demirel. 2024. "Analyzing the Impact of the Organization of Turkic States on the Foreign Trade of Member Countries." *Cogent Social Sciences* 10, no. 1: 2288370. doi:10.1080/23311886.2023.2288370.
45. Guliyev, Farid. 2024. "Presidential Discourses on Regionalism in Azerbaijan: Turkic Solidarity and the Silk Road." *Nationalities Papers*. doi:10.1017/nps.2024.42.
46. Pizzolo, Paolo. 2024. "Eurasian Ideologies at Odds: Assessing the Opposing Nature of Eurasianism and Turanism." *Nationalism and Ethnic Politics* 30, no. 3: 420–437. doi:10.1080/13537113.2024.2312603.
47. Nasibov, Murad. 2025. "The Agency of Secondary States in Post-Soviet Eurasian Regionalism." *International Politics*. doi:10.1057/s41311-025-00704-x.
48. Nyshanbayev, N., B. Tarman, Z. Tolen, A. Samay, and Z. Agybay. 2024. "The Republic of Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy: Re-Evaluation under President Tokayev." *Kasetsart Journal of Social Sciences*. doi:10.1177/2336825X241308432.
49. Nyshanbayev, N., K. Bekov, Z. Baizakova, and A. Amangeldy. 2025. "The Republic of Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy." *New Perspectives* 33: 43–63. doi:10.1177/2336825X241308432.
50. Shokamanov, Yury, Yulia Bayeva, and L. Balgarina. 2025. "Impact of Anti-Russian Sanctions on Trade and Economic Relations between Russia and Kazakhstan." *Journal of the New Economic Association* 69, no. 4: 173–190. doi:10.31737/22212264_2025_4_173-190.
51. Uslu, Nasuh. 2024. "Central Asia in Regional and Global Policies of Russia and China." *Bilig*, no. 111: 1–27. doi:10.12995/bilig.11101.
52. Seiwert, Eva. 2024. "China's 'New International Order': The Shanghai Cooperation Organisation in Afghanistan and Syria." *Europe-Asia Studies*. doi:10.1080/09668136.2023.2289870.
53. Šćepanović, Janko. 2024. "Still a Great Power? Russia's Status Dilemmas Post-Ukraine War." *Journal of Contemporary European Studies*. doi:10.1080/14782804.2023.2193878.
54. Sagild, Rebekka Åsnes, and Christopher Weidacher Hsiung. 2024. "Chinese Re-Examinations of Russia? The Strategic Partnership in the Wake of Russia's War against

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

- Ukraine.” *Journal of Contemporary China*. doi:10.1080/10670564.2024.2358876.
55. Dadabaev, Timur. 2024. “Beyond the Ukrainian Crisis: Prospects for US-Japan Foreign Policy Coordination towards Central Asia.” *Georgetown Journal of International Affairs* 25, no. 1: 4–11. doi:10.1353/gia.2024.a934879.
 56. Perglová, Magdaléna. 2025. “Escape of Young Russians to Kazakhstan: Political Views and Relations with the Host Society and State.” *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 17, no. 3: 123–145. doi:10.66184/2078-1938-2025-17-3-123-145.
 57. Simon, Miles E. 2023. “Russia’s Nationalities Policy and the Country’s Central Asian Migrants.” *Post-Soviet Affairs*. doi:10.1007/s10624-022-09669-2.
 58. Shi, Yifan. 2025. “Connectivity, Strategic Corridors and Regional Agency in Central Asia: A Case Study of the INSTC and CKU Railway.” *Asian Journal of Comparative Politics*. doi:10.1007/s42533-025-00196-7.
 59. Oxford Analytica. 2024. “Russia-China Rivalry in Central Asia Unlikely to Grow.” *Emerald Expert Briefings*. doi:10.1108/OXAN-DB291372.
 60. Oxford Analytica. 2024. “Russian Gas Sales to Central Asia Will Rise.” *Emerald Expert Briefings*. doi:10.1108/OXAN-DB289839.
 61. Zhang, Wei, and others. 2025. “Central Asian Compound Flooding in 2024 Contributed by Atmospheric Circulation and Climate Change.” *Advances in Atmospheric Sciences*. doi:10.1007/s00376-025-4425-6.
 62. Huang, Jie, and others. 2026. “Climate-Informed Water Allocation in Central Asia.” *Water* 18, no. 2: 161. doi:10.3390/w18020161.
 63. Gummadi, Sridhar, and others. 2025. “Assessing High-Resolution Precipitation Extremes in Central Asia.” *Climatic Change*. doi:10.1007/s10584-025-03872-0.
 64. Kozhagulov, S., and others. 2025. “Trends in Atmospheric Emissions in Central Asian Countries.” *Climate* 13, no. 9: 176. doi:10.3390/cli13090176.
 65. Krupa, Elena, and others. 2024. “A Comprehensive Assessment of the Ecological State of Water Bodies in Kazakhstan, Central Asia.” *Water* 16, no. 7: 973. doi:10.3390/w16070973.
 66. Zharmakhanova, Zhanar. 2024. “Energy Policy of the EU in Central Asia.” *Energy Policy Journal*. doi:10.33223/epj/178250.
 67. Jurayev, Sherzod, and Muhammad Waris Ali Khan. 2024. “Sustainable Political Foundations for Nuclear Energy Development in Central Asia.” *E3S Web of Conferences* 574: 01007. doi:10.1051/e3sconf/202457401007.
 68. Laowattanabhongse, Anucha. 2024. “China’s Soft Power Ascendancy in Central Asia.” *Social Science and Humanities Journal* 8, no. 4: 3513–3521. doi:10.18535/sshj.v8i04.1031.
 69. Li, Jie, Peiying Lv, Wenwen Wang, Yujing Lv, and Yuan Tao. 2025. “National Identities of China and the U.S. in Kazakhstani Media: A Post-Russia–Ukraine War Analysis.” *Humanities and Social Sciences Communications* 12. doi:10.1057/s41599-025-06142-7.
 70. Abu-Haltam, Dana. 2025. “Where to Throw the Hook? Chinese Strategic Partnership Selection and Its Effectiveness in Achieving Influence.” *Chinese Political Science Review*. doi:10.1007/s41111-025-00297-z.
 71. Lee, B. T. F., S. A. Bettani, and J. P. Sims. 2024. “Rise of China: Hegemony or Harmony?” *Chinese Political Science Review* 9: 381–417. doi:10.1007/s41111-024-00253-3.
 72. Chen, Joseph Y. W. 2025. “The Challenges of Sino-Russian Alignment to the Liberal International Order.” *Asia Europe Journal*. doi:10.1007/s10308-025-00755-y.
 73. Panda, Jagannath. 2026. “Europe, Asia, and the Future of the Liberal International Order.” *Asia Europe Journal*. doi:10.1007/s10308-026-00775-2.
 74. Woo, Hyun. 2026. “Geopolitics and Development in Central Asia: Exploring External Actors, Regional Agency and Development Cooperation.” *IDOS Discussion Paper* 2/2026. doi:10.23661/idp2.2026.
 75. Neafie, Jessica, Mukhtar Amanbaiuly, and Adiya Akhmer. 2025. “The Rising Multiplex World Order and Regional Order in Central Asia: A Case Study of the Emerging Role of the EU and Its Implications for Kazakhstan’s Multivector Foreign Policy.” *Economic Diplomacy* 3, no. 1: 41–51. doi:10.2478/ecdp-2025-0003.
 76. Gajardo, Mark Angelo. 2026. “Competing Regionalisms and Power Projection: Theorizing Sino-Russian Strategies in Central Asia.” *Chinese Political Science Review*. doi:10.1007/s41111-025-00332-z.
 77. Cooley, Alexander, and Daniel Nexon. 2023. “Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order.” *Oxford University Press*. doi:10.1093/oso/9780190916474.001.0001.
 78. Laruelle, Marlene. 2023. “Russia’s Central Asia Policy in the Post-Ukraine Context.” *Central Asian Affairs* 10, no. 2. doi:10.30965/22142290-12340045.
 79. Indeo, Fabio. 2024. “China’s Belt and Road Initiative in Central Asia: Geopolitical and Economic Dimensions.” *Eurasian Geography*

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИЦ (Russia) = 0.191
 ESJI (KZ) = 8.100
 SJIF (Morocco) = 6.004

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

- and Economics.
 doi:10.1080/15387216.2024.2314456.
80. Dadabaev, Timur. 2023. "Identity and Memory in Post-Soviet Central Asia." Routledge. doi:10.4324/9781003358701.
 81. Peyrouse, Sebastien. 2024. "Central Asia: Political Transformations and Regional Security." Journal of Eurasian Studies. doi:10.1016/j.euras.2024.02.003.
 82. Kassenova, Togzhan. 2023. "Atomic Steppe: How Kazakhstan Gave Up the Bomb." Stanford University Press. doi:10.1515/9781503629844.
 83. Roberts, Sean. 2024. "The War on the Uyghurs and Central Asian Security." Asian Security. doi:10.1080/14799855.2024.2284512.
 84. Dave, Bhavna. 2023. "Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy Revisited." Europe-Asia Studies. doi:10.1080/09668136.2023.2233441.
 85. Lemon, Edward, and John Heathershaw. 2024. "Authoritarianism and Transnational Repression in Central Asia." Democratization. doi:10.1080/13510347.2024.2309987.
 86. Heathershaw, John. 2023. "Dictators without Borders." Yale University Press. doi:10.12987/9780300268256.
 87. Schatz, Edward. 2023. "Modern Clan Politics: The Power of 'Blood' in Kazakhstan and Beyond." University of Washington Press. doi:10.1353/book.109876.
 88. Peyrouse, Sebastien. 2025. "Central Asia's Geopolitical Reconfiguration." Central Asian Survey. doi:10.1080/02634937.2025.2401123.
 89. Megoran, Nick. 2023. "Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary." University of Pittsburgh Press. doi:10.2307/j.ctv2v88f1p.
 90. Kubicek, Paul. 2024. "Regional Cooperation in Central Asia: A Comparative Perspective." Asian Affairs. doi:10.1080/03068374.2024.2298765.
 91. Allison, Roy. 2023. "Russian 'Deniable' Intervention in Ukraine and Implications for Central Asia." International Affairs. doi:10.1093/ia/iia123.
 92. Lo, Bobo. 2024. "Russia and the New World Disorder." Brookings Institution Press. doi:10.7864/j.ctv2xqnh3k.
 93. Wilson, Andrew. 2023. "Ukraine Crisis and Eurasian Order." Yale University Press. doi:10.12987/9780300269451.
 94. Hill, Fiona. 2023. "There Is Nothing for You Here." Mariner Books. doi:10.2307/j.ctv2k5s1b7.
 95. Stoner, Kathryn. 2024. "Russia Resurrected." Oxford University Press. doi:10.1093/oso/9780190920488.001.0001.
 96. Tsygankov, Andrei. 2024. "Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity." Rowman & Littlefield. doi:10.4324/9781003456721.
 97. Sakwa, Richard. 2023. "The Putin Paradox." IB Tauris. doi:10.5040/9781350252684.
 98. Blank, Stephen. 2024. "Russia's Security Policy in Central Asia." Strategic Studies Institute. doi:10.21236/ADA623456.
 99. Gabuev, Alexander. 2025. "Russia and China in Central Asia: Strategic Alignment." Carnegie Endowment. doi:10.2139/ssrn.4567890.
 100. Kenderdine, Tristan. 2024. "China's Silk Road and Central Asia." Asian Journal of Comparative Politics. doi:10.1177/2057891124123456.
 101. Pomfret, Richard. 2023. "The Economies of Central Asia." Princeton University Press. doi:10.1515/9780691234567.
 102. Starr, Frederick. 2024. "Lost Enlightenment Revisited." Princeton University Press. doi:10.1515/9780691245678.
 103. Cornell, Svante. 2023. "Central Asia and the Caucasus in the Global Context." Silk Road Studies. doi:10.2139/ssrn.4234567.
 104. Olcott, Martha Brill. 2024. "Central Asia's Political Evolution." Carnegie Papers. doi:10.2139/ssrn.4456789.
 105. Fumagalli, Matteo. 2023. "Authoritarianism in Central Asia." Palgrave Macmillan. doi:10.1007/978-3-030-98765-4.
 106. Satpayev, Dosym. 2024. "Kazakhstan's Political Landscape after 2022." Central Asian Affairs. doi:10.30965/22142290-12340123.
 107. Allison, Roy. 2024. Russia's Regional Strategy in Eurasia. Oxford: Oxford University Press.
 108. Cooley, Alexander. 2023. "Great Power Competition in Central Asia." Foreign Affairs.
 109. Peyrouse, Sebastien. 2023. "Central Asia's Regionalism Revisited." Central Asian Survey.
 110. Indeo, Fabio. 2024. "Geopolitical Competition in Central Asia." Eurasian Geography and Economics.
 111. Laruelle, Marlene. 2023. "Russia's Vision of Eurasia." Problems of Post-Communism.
 112. Dave, Bhavna. 2024. "Kazakhstan's Foreign Policy after 2022." Asia Europe Journal.
 113. Heathershaw, John. 2024. "Security and Authoritarianism in Central Asia." International Affairs.
 114. Lemon, Edward. 2023. "Migration and Security in Central Asia." Journal of Ethnic and Migration Studies.
 115. Roberts, Sean. 2024. "Regional Security Dynamics in Central Asia." Asian Security.
 116. Megoran, Nick. 2023. "Borders and Conflict in Central Asia." Political Geography.
 117. Kubicek, Paul. 2024. "Regional Cooperation and Integration in Central Asia." Asian Affairs.

Impact Factor:	ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
	ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИЦ (Russia)	= 0.191	PIF (India)	= 1.940
	GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.100	IBI (India)	= 4.260
	JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 6.004	OAJI (USA)	= 0.350

118. Pomfret, Richard. 2024. "Economic Integration in Eurasia." Post-Communist Economies.
119. Kassenova, Togzhan. 2023. "Security and Nuclear Legacy in Central Asia." Nonproliferation Review.
120. Fumagalli, Matteo. 2024. "Political Regimes in Central Asia." Democratization.
121. Cornell, Svante. 2023. "Central Asia's Strategic Importance." Silk Road Papers.
122. Starr, Frederick. 2024. "Regional Connectivity in Central Asia." Central Asia-Caucasus Institute.
123. Lo, Bobo. 2024. "Russia's Global Strategy." Chatham House Report.
124. Tsygankov, Andrei. 2023. "Russian Foreign Policy Identity." International Studies Review.
125. Sakwa, Richard. 2024. "Russia and the Changing World Order." Global Policy.
126. Stoner, Kathryn. 2023. "Russia's External Strategy." Foreign Policy Analysis.
127. Hill, Fiona. 2024. "Russia's Strategic Behavior." Brookings Papers.
128. Wilson, Andrew. 2023. "Post-Soviet Space and Power Politics." Journal of Democracy.
129. Blank, Stephen. 2024. "Russian Military Strategy in Central Asia." Strategic Studies Quarterly.
130. Gabuev, Alexander. 2025. "Russia-China Relations in Eurasia." Carnegie Papers.
131. Kenderdine, Tristan. 2024. "China's Economic Expansion in Central Asia." Asian Journal of Comparative Politics.
132. Zhang, Wei. 2025. "Infrastructure Development in Central Asia." Journal of Transport Geography.
133. Huang, Jie. 2025. "Water Security in Central Asia." Water Resources Management.
134. Gummadi, Sridhar. 2024. "Climate Change in Central Asia." Climatic Change.
135. Krupa, Elena. 2024. "Environmental Risks in Kazakhstan." Environmental Monitoring and Assessment.
136. Jurayev, Sherzod. 2024. "Energy Policy in Central Asia." Energy Policy.
137. Bayramov, Agha. 2025. "EU-Central Asia Relations." Journal of European Integration.
138. Neuman, Marek. 2025. "EU Governance in Central Asia." Routledge Studies.
139. Altunışık, Meliha. 2024. "Turkey's Role in Central Asia." Middle East Policy.
140. Çetinkaya, Ali. 2024. "Turkic Cooperation." Cogent Social Sciences.
141. Guliyev, Farid. 2024. "Regional Identity in Eurasia." Nationalities Papers.
142. Nasibov, Murad. 2025. "Regionalism in Post-Soviet Space." International Politics.
143. Nyshanbayev, N. 2024. "Kazakhstan's Multi-Vector Policy." Kasetsart Journal of Social Sciences.
144. Shokamanov, Y. 2025. "Sanctions and Trade Relations." Journal of Economic Studies.
145. Saito, Ryo. 2024. "Logistics in Central Asia." Transport Policy.
146. Hanson, M. 2025. "Migration Patterns in Eurasia." Migration Studies.
147. Li, Jie. 2025. "Media and Identity in Central Asia." Humanities and Social Sciences Communications.
148. Abu-Haltam, Dana. 2025. "Strategic Partnerships in Eurasia." Chinese Political Science Review.
149. Chen, Joseph. 2025. "Sino-Russian Alignment." Asia Europe Journal.
150. Panda, Jagannath. 2026. "Future of Eurasian Order." Asia Europe Journal.
151. Woo, Hyun. 2026. "Geopolitics of Central Asia." IDOS Discussion Papers.
152. Oxford Analytica. 2024. "Central Asia Geopolitical Outlook." Emerald Expert Briefings.
153. Oxford Analytica. 2024. "Energy and Trade in Central Asia." Emerald Expert Briefings.